

ВЛАДИМИР ЗАГРЕБА ДО ЗАВТРА, ДАНТ

ДО ЗАВТРА, ДАНТ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

КАИЛА29

ВЛАДИМИР
ЗАГРЕБЯ

ДО ЗАВТРА, ДАНТ...

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Київ
Київ, 2019

*В оформлении обложки использована
работа Олега Целкова «Картинка с выставки»
Фото Владимира Базана*

Загреба В.

3-14 До завтра, Дант — Киев: Каяла, 2019, 148 с. —
(Серия «Современная литература. Коллекция поэзии
и прозы»).

ISBN 978-617-7697-13-7

Новая книга Владимира Загребы «До завтра,
Дант... Путевые записки» выпущена киевским
издательством «Каяла».

Этот «реанимационный» роман... в некотором смысле «Генеральная репетиция» (не по А.Галичу — по В.Загребе) романтическое повествование о двухмесячном пребывании автора в реанимации парижской клиники «Моцарт», где всё «расписано» (в смысле — жизни и смерти, как и говорит само название клиники), как по нотам... Любознательный читатель найдёт для себя много «чего» — любопытного, в этом неожиданном «приглашении» на «Тот»... отталкиваясь от всех этих «погремушек и безделушек» — «Этого»... «Реквием» — для пишущей машинки и одного голоса? «И Реквиема медь»... поможет умереть?

УДК 821.161.1(44)'06-31

© В. Загреба, 2019

© М. Архипов, иллюстрации, 2019

© Издательство «Каяла» (Киев), 2019

Посвящается:

Фаине-№1, Фредерик, «Вике»-№1, Вике-№2,
Алёше, Саше-№1, Саше-№2, Ани, Анн, Анту-
ану, Армелю, Арно, Борису, Бенуа, Бетти, Ви-
талию, Владимиру Ильичу, Володе, Виктору,
Вадиму, Ги Вуршу, Вансену, Габи, Грише-№1,
Грише-№2, Дине, Евсею, Иону Дегену, Иву, Жану,
Клер, Кате, Линде, Лоранс, Лор, Люде, Марьон,
Мише-№1, Мише-№2, Асару, Николаю, Одили,
Олегу, Пьеру-№1, Пьеру-№2, Оливье, Полине,
Рафаэли, Сержу, Саре, Стефану, Себастьяну,
Тане, Тоне, Талю, Феликсу, Фаине-№2, Флавье,
Фабрису, Франсуа, Франсуазе, Фредерику,
Шарлю, Шаю, Эльзе, Эрику, Эмоди, «Болту»,
в миру «Филю» и самому себе...

Господу Богу...

ARIS

CLINIQUE
MOZART

Барон Орлович в Регенерации

ROYAL

Перед смертью не напишешься...

«Stirb oder Auf...» — Бетховен.

Всё началось в тот день, когда случились эти два события: умер мой кот «Болт» и меня бросила моя любовница, которая на прощание кольнула: «Отдай ключи!». А ведь вместе к слесарю. Отдал... А что ещё можно сделать, когда два горя и так сразу... в один флакон. Смешно. А в моей голове его чёрные лапы по «clave» и её — белые, по этому самому... Нет, господа, жизнь уходит в песок, рассыпается... и итальянского «железа» жалко, всё-таки, пять лет во французский замок. Привык к этой самой, замеченной, отмеченной, замочной.

А «Болт» был отличным котом-соавтором. Он всегда ложился на «clave» поперёк, когда чувствовал что «тапёр»-единомышленник в этом, так называемом творческом процессе, уже заходит в тупик. И этот, чёrtов «поперечник», как бы говорил тому, который по этой самой долбит всю ночь: «Всё... Больше никаких последних» (в смысле строк). И вообще, «Болт» — был человеком.

И эта — тоже, но уже в меньшем, «отдайключница-ключица», ложилась (при случае), но уже по горизонтали и в эти 24 (часа) из жизни женщины, даже любому «непечатному» и не напечатанному... мужику было понятно, — конец, уже хорошо не поработаешь, и что даже не уберёшь из текста знакомую, законную, знаковую, оскарову запятую.

В общем, привет обоим, бывшим, уже не... (действующим) от Стёфана, Оскара, и, уж простите, так уж вышло, Сержа. Горе — оно не всегда только Горенко, оно и другим тоже «дадено» и «это дадено», разливается по полам, по гендерному, скользкому, натёртому словами, а не Б. Марковским, «паркету».

Нет, не как у этого М-«ювелира»: «День прожит без труда и без труда забыт». Забудь — второе. Именно в этот день «двойных стандартов» раздался этот звонок.

— Серж, ну как?

Кто ж это «ну»? Чтобы «как-то» опомниться и потянуть время, он протянул:

— Да так.

Господи, Шарло. Ни Бодлер, ни Пегги, ни Буковский, ни Перро, не говоря уж про «большого Шарля» — 1 метр 97, без кепки — кеппи и, как он в танковую башню в Эльзасе помещался, — люк не закрыть, сгибался полковник (которому ещё «никто не писал»?), торчал, в смысле головы — Тажеж. Уже три года, как хирургическая клиника «Леонардо да Винчи» по приказу каприз-сюрприз-нарцисс-министра (в целях экономии) отдала концы. Уже её и след простили. Теперь на авеню Пармантье (того, который при XVI-ом завёз из Перу картошку во Францию), в 95-й, на руины «Леонардо», въехала не школа-школа изящных, а «Высшая экономическая», правда после «разудалого, в смысле бюджета», капремонта. От тысячи операций: колен, плечей, ключиц, простат, суставов, бёдер, катаракт, фиброскопий и коло... ничего не осталось. Только волни абсолютно беременных хранят эти заново отштукатуренные белым: «Не передурирай, доктор, — передуралирай! Засаживай... иглу. Не могу больше...».

Не взять в голову, это ж надо — иглу в 13 сантиметров — на пьедестал поставить затащить, как символ абсолютной женской без-«работицы» и блаженства. А я то думал...

- Хе... Шарло! Сколько лет?..
- О тебе вспомнилось. Ты же хотел.
- Что именно?
- Чтобы я тобой...
- У тебя что, жертв поубавилось?
- Идиот! Их и без тебя хватает. Я о тебе... по-дружески...
- И эту мерзость перед колоскопией?
- Четыре литра плюс колопег...
- О, Господи!

На «мандариновом» («мандарин» — проф. медицинских наук, за которым в белом, стаи студентов) гастроэнтерологическом горизонте Парижа Шарль Тажеж был кое-кем... Сто шестьдесят три — в длину, сто шестьдесят три — в ширину, этот «квадрат» всегда своими смеющимися глазами притягивал, как магнитом, всех хорошеных медсестёр отделения. Они наваливались на него толпой, пикровали на него по одиночке, когда нужно было раздеть-одеть в операционной это симпатичное «животное». Даже обидно. Кроме того, оно (это «животное») шутливо подписывало свою личную почту: «Транзитно Ваш». Для гастроэнтеролога — класс и смелость! Голубые матерчато-пластмассовые халаты трещали по швам.

- А похудеть, месьё Шарль? Всего-то двадцать...
- Только с вами.

Его улыбка навсегда притягивала пациентов. На стене его кабинета около площади Феликса Эбуе, в деревянной рамке кое-что красовалось: «Член» —

диплом, но какой... «Ассоциации американских гастроэнтерологов». Дальше больше. Вот уже двадцать лет в каждом уважающем себя французском очагедоме стоит «Домашняя аптечка» — книжица — 873 страницы, на обложке которой красуются два медписа. Профессор — полный «мандарин» и «пис» и его менее крупный «фрукт»-соавтор (если закрыть глаза) — Шарль Тажеж. «Домашняя» уже выдержала двадцать изданий... и, полистав её, каждая гражданка и «ин» этой страны, лёжа в ванной, могут узнать всё при свечах о «свечах» и таблетках.

Эскулапы тянут лапы.

И уже совсем по секрету... Два раза в месяц Шарль широко открывал глотку в ансамбле того же имени: «Золотая глотка» вместе с пятерыми любителями Вивальди и Монте, ну, конечно же, — Верди. Тсс... но это секрет абсолютный. Кто же пойдёт к врачу, который подтягивает вторым голосом в вивальдиных «четырёх» сезонах, когда нужно всё это время вкалывать в прямом и переносном, даже если ты и «американский член». Кто же доверит этим «золотым» подголоскам гибкий, японский гастроскоп, взятый в кредит за 1800 (евро)? Здесь вместо золотых «глоток» требуются не только такие же зубы, но и золотые руки, чтобы не порвать всё внутри человека к чёртовой матери.

— В Среду? В «Моцарте». Консультация анестезиолога обязательна.

— А я не подойду?

— Нет, Серж. Доктор Киро — жёсткая девица.
В 14.45.

Хотелось пошутить — «в». Не Гергиев, не поймёт — зубочистки. Осталось протянуть только «О'кей» и дружески грохнуть телефонной и затянуться...

Клиника «Моцарт», которая около Сены, которая около музея Природы (естественно), которая около Аустерлица (вокзала Бони), которая около улицы Буффона (не вратаря), которая около парижской мечети и около университета Жусьё была известна не только музыкальному миру. Особенно впечатлял проезд к ней по «Буфу». Справа длинное здание, девятнадцатого, набитое под завязку всякими редкими археологическими костями, которые Буффон, гремя своими, приволок сто лет тому из своих путешествий. Через огромные, трёхметровые немытые окна они угрожали своими заново подвинченными скелетами. Подсвеченные изнутри, они как бы выпадали на узкую улицу, по которой нельзя было «дать газу». Запрещено мэрией — рядом сокровища.

С «газом» или нет, с «вратарём» или без, но, к сожалению, эту «мерзость» нужно будет заглатывать. Сотни, если не тысячи, этих «скопий» Серж уже «заделал» с Шарлем. А всего-то: японский гибкий зонд с камерой-глазом под местной анестезией засаживается вовнутрь и на экране телевизора «Sony» прослеживается всё узкое, не русское, от «А» до «Я»: пищевод, желудок, двенадцатиперстная (наперсница разврата?)... В принципе, при этом исследовании никаких сложностей не возникает. Лёгкая анестезия (в вену) и всё — покой, редко когда «приёмный». С колоскопией дело обстоит иначе. Очистка 12–15 метров кишечника (4 литра плюс колопег) вселяет в хрупкие души эстетический ужас, неуверенность в завтрашнем дне, особенно, если делишь с кем-нибудь общие 9 квадметров — «жилплощадь» (в смысле туалета). Затем пациент наполовину или полностью «отключается»

и начинает работать «член», в смысле «американской академии». Техническая часть коло — «пытка», экологическое испытание даже для специалиста, уже европейского «члена»-профиля. Если прямые участки кишечника редко вызывают осложнения, то два угла — слева и справа, всё-таки, создают технические «неудобства». Да и хирурги в случае чего не всегда под рукой: серого волка в халате ноги кормят, если даже есть поблизости, как у П.И.Ч.-а (Петра Ильича Чайковского), своя старуха-процентщица.

Но вернёмся к нашим (музам). «Моцарт» — австрийская слава, Буффон — итальянская слава — вратарь, Буффон — слава французской естественной мысли, с сачком для бабочек, как Набоков, в шортах и в очках, плюс узкая улица с частыми «пробками» на ней, плюс полтонны «костей» в скрипящих шкафах и наконец, — буффон, королевский шут — обжора, отсюда же — «В буф(ф)ете брали?».

В «Моцарте» — османовско-семиэтажном здании был пол из мрамора, но, как говорил Михафнасыч, квартирный вопрос даже тут поработал — кого нужно испортил. О квартирантах — позже, но квартплата — Ого-го! Раньше (до эволюции) в нём было семьдесят пять квартир, но когда въехал(а) этот(а), в парике, пришлось некоторым потесниться, ибо нельзя было трогать внутреннюю структуру здания. Но эти шестьдесят «мрам-ам-квадратов» производили... О, о... — Каррарский! Богато. Сержу, это запомнилось ещё и потому, что лет двадцать тому его как бы пригласили поработать «музыкантом»-анестезиологом, вместе (вместо — «жёсткой Киров»?). Испытательный срок был три месяца и всё

было прекрасно, и в конце концов ему предложили этот «мраморный» зал-пол рабочий сюрприз за... триста тысяч (франков).

Сержу это вроде бы не... Не у кого было занять столько, а банки отказывали в такой ссуде, без солидных, надо понимать, гарантiiй. Ну, что было, то — было. Сейчас это — мелочи. Главное, чтоб Шарль ничего не «протаранил».

14.45. Вторник. Рандеву с «девицей» было назначено на улице «Rue des Quatrefages», 9. Как же это перевести? Улица «Четырёх обжор»? Антропофаж? Андропофаж (не надо, без святотатства)? Улица «Четырёх пищеводов» ввиду гастрологических обстоятельств?

В «девятом» царило спокойствие. Всё шло, как надо... хорошо начиналось: не очень молодая девушка (похоже, совсем не жёсткая) оформляла потенциальных клиентов. За её правым плечом стоял чёрнокожий, молодой человек, который почему-то очень хотел погладить её левую, похоже, белую, грудь (Амадей? Милош Форман? Мэтр со своими ученицами? Сомнений не было — он в «Моцарте»). Та мглала-поимела, но всё-таки удачно справилась с возложенной на неё задачей:

— Удостоверение (личности)? Карта соцстраха. Да, вы, собственно, к кому? А... к мадам Киро! В третий. Пятнадцать минут дежурного ожидания и высокая, почему-то очень «плоская» дама, она же это — без «в», резко чавкнула «керзачами» Жукова (осиными «прохорями»):

— Вы ко мне?

Хотелось тут же ответить: «А к кому же ещё?..», но Серж сдержался.

— Проходите.

«Девица» Киро плюхнулась в кресло и энергично «завопросила»:

— Фамилия, возраст, операции, заболевания?
На, что жалуетесь?

— Да так, изжога...

Серж, отвечал бодро. И внутренне примерял на себя её агрессивный тон. Тепла у «плоской» в голосе явно не хватало, не говоря уже о полном отсутствии чувства юмора.

— Переливание крови? Группа?

Может рассказать ей, чтобы как-то её «очеловечить», новый анекдот, который вчера поведал/ прошёл ему Вадик, всего-то три строчки: «Василий Иванович, а мне говорили, что вы — еврей... — Видите ли, Пётр...». Но вместо этого Серж улыбнулся и только ответил:

— В далёком 78-ом в меня влили десять литров «швейцарской» (крови), в Женеве. Сам виноват. Прощай, селезёнка и зелёная «Симка — 1000»-«зелёнка» (которую ужасно любил мыть Виктор Платонович Некрасов).

Последнее, в скобках, адресовано случайному читателю, который может появиться в Киеве, случайно.

— А чем вы занимаетесь?

— Тем же, что и вы!

— Ах, — ахнула она кисло. Снова скрипнуло военным что-то в голосе:

— За пять часов до «этого», ни пить, ни... Вы, должно быть, в курсе...

— Должно быть. Есть!

— А кто вас?

— Тажеж! — и, чтобы поддержать разговор, Серж провокационно брякнул:

— А «Амстердымер» или «Серж-ант»? Ну так, всего две трубки?

— Вы шутите? — огрызнулся плоско «плоский» специалист, мадам Киро. Похоже у неё гормональная недостаточность, но это её заботы.

Она поставила точку, и Серж поднялся:

— Сколько я вам?..

— Нисколько, коллега. Будьте!

Ну, хоть это...

— И вы тоже...

На улице, «Четыре пищевода» с удовольствием приняли потенциального, пятого.

Среда. 14.30. Реквием? «О, лакримоза»?.. «Моцарт». Опять в очередь. На экране телевизора мелькают номера-приглашения. Опять показать «документ», страхарту, допстрах — такую же (дополнительную страховку)...

В кабинках немолодые работницы административного фронта проверяют «ксивы»... главное, чтобы «музыкальные клиенты» — оркестр, «Моцарта» не надули. Где-то Тажеж проверяет свои гибкие шланги-гастроскопы, где-то анестезиологи и их «медбратья и сёстры» готовят свои наркотики, где-то лихие парни «из нижнего звена» этой медпирамиды помогают пациентам улечься на скрипучие каталки, где-то дымится и задыхается от напряжения единственный из трёх работающий лифт, и даже шестьдесят метров «каррары» не спасают от этого ежедневно-сумасшедшего «борделя». Человек пятнадцать граждан и «ок», обеспокоенно смотрят на экран, ожидая своей участии.

Рядом с Сержем пожилая дама, лет семидесяти пяти, что-то выговаривает молодой (наверное,

дочери). Та, нервно вспыхнув, бросила странную фразу, которая неожиданно всколыхнула что-то в Серже русское: «*Maman, ne me parle pas sur ce ton*» («Мама, не говорите со мной таким тоном»). Господи, как перекликаются в этой жизни языки — «мамани»...

Лет тридцать тому его приятель Юрка Водолазов говорил своей маме «за упрёки»: «Мама, не говори тоном!» Ну, почти бабелевское: «Маня, вы не на работе». Тут его номер первым пошёл.

Молодой, опять-таки «чёрнокожий человек», но уже не тот, который за «не молодую и левую» (грудь), сказал «поехали» и двери амбулаторной операционной распахнулись, но не полностью. Две тени в голубом (ах, эти девы в голубом) бросились к «горизонтальному» Сержу: «Бубу, как мы рады тебя видеть». (Бубу — нежное прозвище, которым наградил средний и высший персонал — веронал этого нетутошнего анестезиста-олога.) Оказалось, что две медсестры, которые работали с ним в «ателье Леонардо» переместились после «исхода» в новую «музыкальную шкатулку» — в «Моцарт». И тут же Тажеж раскинул свои «квадратные» руки:

- Ну, вот и встретились.
- Шарло, клоун!
- Доктор Левин — твой коллега.
- Привет док, укольчик... согните голову.
- Анестезисты, Левин дал приказ... (анестезисты — это по-здешнему, а по-тамошнему — «ологи» — гинекологи).
- «Спокойной ночи», по-моему, так называется роман Андрея Донатовича. Всё. Конец №1?

* * *

Серж открыл глаза. Где я? Что я? Большая комната. За спиной, похоже, реанимационный блок: «шестиволновый» кардиоскоп, дефибриллятор, капнограф, оксиметр, отсосы (не путать с засосами), батарея из шести автоматических шприцев, пять капельниц и масса проводов. Реанимация? В голове мелькнуло:

— Протаранил, всё-таки, Шарло, убивец!

За окном кричали вороны. Нашли «бильярдные»?.. Вопли были знакомые, но, всё-таки не такие, как там, у Валеры Шульжика (не путать с Клавой — «енко»), строчку которого он «украл», завернул, иронически «передёрнул» когда-то (Прости, Валера!):

На заброшенном балконе,
Среди прочей мишуры,
Как-то встретились вороне
Бильярдные шары.

Всё вокруг цвело и спело.
Пах весной осенний сквер.
И ворона вдруг запела:

«Классно жить в СССР».

Хорошенькая медсестричка в кокетливой блузке-пижамке, через которую было видно это самое... особенно левая — «У ней такая маленькая грудь»... приблизилась, похоже, к его телу. Доступ к нему был разрешён?

— Укольчик...
— Может, хватит? А почему я здесь?
— Доктор Симон, вам всё объяснит. А я — Лиза, я с вами до — восьми.

Мелькнуло: «По ленд-лизу лезу в Лизу»? Увы, пока наоборот.

— Утра?

— Ну, что вы? Меня муж убьёт — вечера.

— Бедная Лиза... Хотя, я бы тоже на его месте...

— Вылезете, тогда «за это» и... поговорим.

Ничего себе диалог... может, действительно, не всё потеряно... В палату «вкатился» небольшой лысый человек с энергичным подбородком.

— Доктор Симон, — и «подбородок» протянул руку. Путаясь в проводах и электродах кардиоскопа, Серж пожал её:

— Коллега, ну, вы нас напугали.

— А вы?.. А в чём собственно... док?

— Регургитация.

— Наследственность?

— Ничего себе. Ну и много «чего»... в лёгких?

Кстати, какой день сегодня?

— Да, есть «кой-чего»... процентов двадцать.

Суббота. Вы уже три дня как здесь.

Взвизгнул кардиоскоп. Лысый шеф нажал на кнопку. Сирена испуганно заткнулась. Серж пытался что-то понять. Регургитация — жидкость желудка попала в лёгкие... И тут началось... Сначала в палату заехал переносный рентгеновский. Весёлый человек в белом боевым английским свистом вспарывал «французские порядки» реанимации, сто лет спустя: «It's a long way to Tipperary».

Он приставил тупорылую трубу аппарата к грудной клетки Сержа:

— Снимочек на память... Не дышать! И он «ударил» свист-припевом:

It's a long way to Tipperary.
It's a long way to go.
It's a long way to Tipperary
To the sweetest girl I know!

— Я уже и так...

Доктор Симон разглядывал предыдущий «джаз на сержиных костях». Он обернулся к ещё не убиённой: «анализы крови три раза в день, рентген — два, общие анализы — каждый (день), кинезитерапевт, антибиотики, ToGD — завтра»... Газы крови, о Боже... Уколы во всё время в ускользающую даже от специалистов радиальную артерию в запястьях. И тут в палату ввалился Шарло в нелепо торчащем халате...

— Убивец, — сказал Серж, ещё раз чётко сформулировав свою позицию.

— Я тут не причём. Я даже к тебе не прикоснулся. Левин пытался отсосать... но какая-то часть (попала). Я приду к тебе завтра, — и Шарль исчез с линии, и с горизонта тоже, помчался «добивать» своих пациентов. Врача ноги кормят.

Регургитация... «Нам не дано предугадать...»?

Подскочила Лизхен...

— Укольчик!

— Опять!

Её шарм несколько уменьшился, хотя... Сколько можно. А доступ к телу всё не заканчивался... За окном продолжали кричать вороны. Как там у Марины:

— Где лебеди? А лебеди ушли...

(Про генерала?)

— А вороны? А вороны остались...

Пластмассовая трубка с кислородом, три литра (в минуту) в носу, раздражала и мешала кокетничать. И тут скрипнула дверью «кинези».

— А меня зовут Алекс.

— Алекс, так — Алекс. Просим...

Его «боксёрские» руки потянулись к грудной клетке Сержа: Вдох — пациент — издох! Лиза не вы-

держала безделья и полезла искать его артерию на правой (руке). «Как слово наше отзовётся»? Регургитация. Тютчев? Три года тому Серж уже встретился с этим «словом» вплотную. Отозвался. Мама. И в голове у него понеслось—поехало. Две тысячи первый... она была в хорошей форме и всё ждала свою книгу стихов, которую издавал «Дом Марины Цветаевой» (в Москве). Банальный вывих тазобедренного сустава. Серж привёз её в «Леонардо» в шесть вечера и попросил своего приятеля сделать короткую анестезию, которая занимает 5–6 минут. Тем более что доктор Энерве (ирония «заплетающегося» от усталости французского медицинского языка — *énergé* — как там? «Муля, не нервируй меня». А личный анестезиолог последних двух лет Ф.Миттерана-Жан-Пьер Карта, в смысле — *le tarot*: сдавай, давай «лёг» лучше... тоже носил, но это уж как он/она — ляжет там... про пациентов я уже и не...) в прошлом уже был знаком с её лёгочной патологией. Вечером, когда вся «команда» была от усталости на «четвереньках и бровях» хирург и анестезиолог решили провести это короткое в(за)мешательство: вправить — вывих, не в операционной, а в обычной (палате). Серж доверил её своему приятелю из-за идиотского принципа, по которому «близких родственников — близкие — (идиоты?) не оперируют», а отдают — доверенным. Когда «доверенное» и «про» (лицо), приятель-анестезиолог, с которым как бы в «огонь и в воду», ввёл «Diprivan» — белую эмульсию, который(ая) разлагается в организме очень быстро, содержимое желудка попало в лёгкие.

Оборудование палаты резко уступает такому же в операционной. Это осложнение, которого опасаются все практикующие врачи — кислота, в нормаль-

ных условиях не всегда ведёт... но на больные лёгкие... что и привело к этой самой...

Боже, уже две тысячи семнадцатый!..

Серж так и не сказал ничего этой «доверенной» (полупроверенной команде)... но для профессионала очевидно, что дружески-усталая ошибка коллег была фатальной. Да, и что сказать... когда и так всё понятно.

Книга стихов мамы пришла на четвёртый день после случившегося...

И тут въехала в палату тётка «Ням-ням» на своей дребезжащей каталке — кормилице. Утро? День? Вечер? По его мнению, это было всё-таки утро... которое «красит нежным светом»... и «всё перепуталось и некому сказать»... В башке всё плыло... но монолог выплыл:

— Лиз, а что «они» завтракают?

— Что даш — подаш...

— Поташ?

«Они» — это видимо был «он» — Серж, а «завтракают»: кипяток, бумажный квадратик чёрной цейлонской пудры с баобабом, квадратик масла, на котором подмигивала жующему, улыбалась корова, клубничный конфитюр, на котором цвела единственная, как перст, как стонущая под «градусами», русская гармонь, ягодка — клубничка, пара сухариков положить на зуб... Тётка опять включилась, забеспокоилась:

— Если надо, подброшу ещё на это...

На зубья что ли?..

«Ням-Ням» широким жестом кинула — протянула поднос под самый нос Сержа, на отваливающуюся вниз доску столика, у спецкровати:

— Как говорит наш доктор Антон: «Кушать подано!» А шампань?

Серж мысленно поддержал «ням-нямский» монолог: «Спасибо коллеге Антону, что не «ich sterbe»! Серж улыбнулся изо всех (сил). Работница пищевого тракта и транспорта вовсе не хотела уходить, то есть отъезжать:

— У нас здесь хорошо, — уронила она. Птички, — она повернулась к закрытому окну, где дрались вороны, при этом каркая и не боясь нарваться на клюв соперницы, которая держала в этом самом, не кусок голландского (сыра) с дырками, не бриош «австриячки» ненавистной местной толпе, а уже позже, добытую в тяжёлой классовой борьбе, французскую корку хлеба.

— А вы «док» какой? Женский? — «Ням-Ням» задумчиво посмотрела на распостёртое тело.

— Мужской, — подключилась Лиз.

— Мы «наших» любим. Вы уже третий у нас. За месяц... — она с улыбкой посмотрела на медсестру, которая заканчивала своё «кровавое», мокре дело. Та повернулась:

— Марьяна, иди в пятую.

И, погромыхивая на реанимационных ухабах, каталка-коляска-телега, но уж точно не ландо, на несмазанных, дребезжащих колёсах отъехала, покинула место встречи, которого, по А. Ю. и Женьке Прицкеру, никак «изменить не». Отъехала.

Третий за месяц?.. Надо же... прямо месячные какие-то... А с чем? А кто? В голову лезло непонятно что... Сообразить... на троих. Поём хором и басом П.И.Ч.-а, из «Пиковой»: «Три карты, три карты...» «Третий лишний? «Три товарища», «Три мушкетёра — полотёра», «Трое в одной лодке, не считая собаки» (Карацупа-Индус? плюс 294 задержанных, не с той — вражеской — с этой, родной...), «Три сестры»,

«Три танкиста» и, конечно же, по... триста... «Три (Тополя) — на Плющихе», «В трёх шагах от снегопада»... Бэма, «Тригодин — Погодин и, как всегда, — Невзгодин?» — коллеги Anton-а через «и», «Три кита?» — Вадика и, наконец, Вагнером «Три-стан и Изо-льда». «Любовь к трём...» (апельсины — родные осинь?), к этому редкому фрукту, уж как-то совсем не вписывалась, выпадала. Она, эта самая, уже по-скользнулась на цифре, хотя, эту троицу из Марокко, сейчас бы совсем не (мешало бы)...

Лиз повернула голову и сказала кому-то:

— Войтек, три стерильных — Б-38.

А что здесь делает этот польский «воин» в реанимации?

Кокетливый польский молодой человек с убийственными чёрными усиками просунул голову в проём двери:

— Тебе срочно?

— Нет. У меня есть ещё.

— Минут через пятнадцать.

В голове у Сержа всё опять (завертелось)... Ещё быстрее поехало. Что-то напомнило это польское имя. Войтек? Войтек? Поляк это точно... Про Польшу Серж знал много чего, но если честно — ничего. «Камо грядеши»? Верфи Гданьска — флаг явления — сопротивления советской оккупации, «Солидарность» по «Голосу», по «БиБиСи» и по «Немецкой (волне)», электрик Лех, эх, Валенса! — «Болек», осведомитель ГБ, Анджей Вайда: «Пепел и алмаз» (намаз?) — пять вечеров — за билетами, как за «докторской» (колбасой). Больной Шопен с его здоровой и «енной» французской дамой-ой! Другом, Жорж

Санд, которая(ый) менял(а) курительные трубки и любовников (от обоих по-разному — дымилось фортом — «пьяно»!) каждую неделю, и про которую Густав Флобер дружески сказал: «*La grosse vache pleine d'encre*», (Большая корова полная чернил) — «Полонез Огинского» — обязательно! А как же... советское радио три-четыре раза в неделю давало возможность молодому поколению любителей «полонезного» жанра поскользнуться, «пополонезиться» вдвоём по (когда — есть) довоенному паркету, почему-то всегда после обязательной утренней зарядки. Бодро и весело: «Встали-легли. Ноги — на ширины»... (если и то и другое — есть).

Но «Траурный» (марш) Шопена был все рекорды. Сначала на Расстанной. Голос — тарелки — в ухо, глаз Сержа — на улицу, через вату, между двумя рамами: «За гробом идут представители советской общественности, которые несут на красных, бархатных награды покойного». За гробом — венки. Не надо — фирма веников не вяжет... За ними — родственники. За ними — толпа. За ними — пузатый трамвай, «американка» — номер четыре... На «колбасе» четвёртого трамвая в последний раз свистел я «Розу мая»... «Я послал тебе чёрную розу в бокале»... (так и не вывели) всё это, как минимум, три раза в неделю тащилось мимо его дома, № 13. Прямо к могиле Блока, на «Литераторские (ораторские?) мостки» и подмостки.

Молодая Ахматова, ещё в 19-ть 14-ом, восьмого июля, написала в Слепнёве про это кладбище «волков» — «Волково»:

На Казанском или на Волковом
Время землю пришло покупать.
Ах, под небом северным, шёлковым
Так легко, так прохладно спать.

Странно... в 14-ом волки уже были, А.А. — тоже, а Сержа — ещё и в помине не... но спалось там, под «шёлковым», на Расстанной — 13, действительно прохладно... Несмотря на «классический» совет «покупать землю», Серж так ничего и не купил.

Войтек? Ну и где же ты, помощник медсестры, лакомные усики? Пятнадцать минут уже... Давай, что обещал.

Да, была ещё трёхлетняя кобыла «Войтек», которая полгода назад взяла первый приз в «Вансене», второй тоже (приз, конечно) — кобыла и тоже трёхлетка, но почему-то она неслась под (Вы)именем, то есть фамилией: «Высоцкий», по-русски неприлично, хоть бы коня назвали, но, всё-таки, кобыла второй взяла. «Парижанин» № 19564-ый об этом сообщал с гордостью. Потом ТВ — ящик, из которого десятилетиями лился «похоронным» больной туберкулёзом и усталый «Фредерик». Затем промелькнул настоящий русско-польский маршал, который никогда не ругался матом, даже по-польски, в отличие от такого же, который — всех матом крыл и военная доктрина которого исходила — кровоточила из всего одной акушерской фразы/фазы: «Бабы нарожают!». Интересно от кого рожать, когда двадцать семь миллионов «производителей» в могилах? И уже не встанут. Каземира Рокоссовского удалили от греха по дальше, из столицы, в сорок девятом. Поляк, ну, и давай туда — маршал, в Польшу, шагом марш-ал, в Варшаву. Сидел — до «маршала», то есть до — звания, то есть до — приз/в/нания, но — вышел.

Войтек, да, что же это на самом деле?

Рокоссовский шесть лет создавал как бы «их» — нашу армию, в «польском военводстве». Пока поляки не привели к присяге своего нового премьер-министра, законченного «антиотца-сталиниста» — Владислава Гомулку (который тоже — сидел, но уже от и до... и, всё-таки, дотянул до выборов). Казимир любил любимого, как своего... «отца», «его ставку», но не любил эту польскую беспардонную «анти-приставку». Он был «Ему — Отцу» верным и преданным, но, всё-таки, не псом. Произошёл конфликт с народным отсидягой — избранником. А Казимир уже прогревал моторы «34»-ок в польских военных городках, на всякий пожарный... В пятьдесят шестом Хрущ предложил Казимиру написать открытое письмо-статью в редакцию и в этой(ом) «врезать» всю правду народу о «бритым шилом», ну, как Будённый, который пулемётным огнём своего домашнего, личного «Максима» (в спальне стоял, на столике, в ногах) встретил на лестнице «голубые мундиры», когда те пришли его арестовывать. Маршал Казимир Рокоссовский, только развёл руками, брякнул орденами и так вежливо и недоумённо: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!»

— За «святого» ответишь! Всех «святых» — выносить! Хватит звенеть (медалями)! В Москву, маршал, в отставку...

— Держи, детка! — Войтек просунулся с какими-то пакетами. «Лакомные» вздрогнули:

- А ты сегодня ой-ё-ёй...
- Не под-Лизы-вайся...

Наконец-то! Серж вспомнил то, что хотел вспомнить... Встать, плоскостопые всея Руси! Встать, косо-

лапые! Эй, вы, плантоградые? Давай, давай на задние, на задание!.. Хватит с «утра» в sos-новом бору утром валять дурака-бока, шататься. Не фига, бессмысленно ползать по завалам-отвалам... а так же, по девять (месяцев) лежать по грязным, разным репейникам-дырам... С бодуна, из малинников, из ульевых проулков — переулков, со стен семиметровых клетушек коммуналок, с мокрых стен халуп, где эти три «шишкина» на вышитых ковриках и чумазых картонках, не Пушкина — Гоголя с базара... а ке(а)дровые шишки несут-ищут. Из зоопарков, сосновых боров, из русских гнилых берлог... выбирайтесь, спешите, переваливайтесь с бочонками не пороха — рома-мёда, отдайте честь, вашему единственному представителю «N»1 — Наполеону, который, это самое — пороха — потрохов... вдоволь! Если и было, что симпатичное в этой страшной мясорубке (с нашей — двадцать семь миллионов: мы за ценой не постоим? «Белорусский вокзал»), то это косой и лапый «солдат» — Войтек. Когда-то в Риме — гуси спасли Капитолий! Три месяца назад газеты Канады захлёбывались: тринадцать чёрных медведей охраняют (охреневают?) две тысячи девятьсот кустов море-хуаны — конопли, в Бразилии — те же гуси... вместо немецких (овчарок) гуляют... границы зоны — всё на замке — количество побегов заключённых, в этой отдельно взятой тюрьме, свелось к нулю. Обалдеть!

Всё бледнеет перед «нашим» — без эполет, даже медсестра Лиза, которая всё ищет и ищет неуловимые артерии пациентов и которая «до восьми». «Войтек» самый необычный польский «солдат», принимавший участие в четырёх штурмах монастыря, не Монте Кристо — Кассино. Героям слава! Сол-

даты двадцать второй интендантской роты Второго польского корпуса генерала Андерса подобрали его в Иране, в Пехлеви, где проходила его реорганизация. Они научили хватайлапого подносить артиллерийские снаряды под огнём на поле боя. Артиллерист-Пушкин. И как подносил, не Александр — Войтек! Зверь!.. Вот тебе и советский унизительный, циничный анекдот про армию Андерса, который «ходил» в то дымное время по советским траншеям — окопам: «Что такое вторая мировая война — это попытка Советского Союза, Великобритании и США заставить воевать армию Андерса». Смешно? Не очень. А разодранная вдребезги Польша? А десять тысяч польских офицеров в Катыни?.. И все — в затылок? А самолёт генерала Владислава Сикорского?.. А самолёт президента Качинского?.. (Исключение «Аэро(гло)бус» И. Бродского пока летает) А?.. А?.. А?.. Войтек спас честь нации! Надо же чем медведи занимаются.

А «участковый»? Да, нет — не мент, местный — «ай» (болит). Пятьдесят лет тому (где-то в 67-ом, о, Господи, столько не живут), часа в четыре после обеда, Серж подъехал к дому «Мурузи» на старой легковухе (легко в ухе?) с крестами на боках, но без — полумесяца. Это был последний вызов за день. Он кинул шофёру из спецбольницы Водников: «Лёша, меня не жди. Как-нибудь доберусь...» «Полторы комнаты» приняли его более, чем радушно. Попили чайку... Всё обошлось без особых терапевтических вмешательств и волнений и все разошлись по своим квадратам, углам и метрам. Никто не знал, тогда, конечно, про «Войтека», но про снаряды и польскую кровь — догадывались... Про «Червоны маки на Монте Кассино...» — знали. «Полкомнаты» — наизусть, со словарём, «целая» — понаслыше, через тонкую перегородку. У Иосифа

был старенький проигрыватель, который «вертел блин-пласт» на «78»-емь. Хозяин и «участковый» — шесть часов подряд слушали раз двадцать этот «кровавый» польский марш, роняя слова и пепел в стеклянную пепельницу. Позже, И. Полякова не без таланта, перевела 4 строчки припева:

«Краснеют маки на Монте Кассино
от кровавой росы опьянев»...

Точно, но Серж парадоксально усилил бы, только поменяв, точечно, один глагол:

«Бледнеют маки на Монте Кассино... — охмелев от этого самого... Бог, ей судья и Лозинский тоже...

И действительно, на этом самом проклятом перевале, где стоял монастырь «Монте Кассино» и где позже ночевал Н. Боков, они, во время четырёх штурмов потеряли — 924 (убитых, груз — 200?), 4199 — раненых — (такой же — 300?). Некому грузить... Проклятый монастырь! А через десять лет из американского «бугра» прилетела, донеслась «Песенка» Иосифа:

И с высот олимпийских,
не доступных для галки,
там, на склонах альпийских,
где желтеют фиалки, —
Хоть глаза её зорки
и простор не тревожит
Видит птичка пригорки,
Но понять их не может...

«Галки — фиалки»... А «Войтек» — понял. И Серж — вечером тоже, как-то... добрался.

Позже в Израиле, впервые в мире, сделали операцию на позвоночнике — медведю. Но, к счастью, это был не Войтек — его собрат.

— Укольчик!

— Да, что же это такое? Лизочка, мотайте — к мужу.

— Я скоро кончу.

— Меня, что ли?

— Вас я «при»... — Серж вздохнул. Все эти «литературные» штучки и шуточки рассыпались. Радость жизни уползла куда-то. Уже не хотелось шутить. Время текло непонятно как, правы физики, которые считают, что его (времени) вовсе нет и, что его придумал скрипач Одинкамень (Эйнштейн), для того, чтобы Лиз не опоздала к сожителю, который если что — убьёт. В шесть вечера заскочил начальник — «подбородок»:

— Док, дышится?

— Хотелось пошутить — «как ложь — жена колышется»... но — не поймёт энергичный, ветреный, заграничный.

В семь вечера на минутку заглянул коллега — анестезист Марк Левин, с которого начались, все эти «артиллеристы»...

— Так уж вышло...

— Да, ладно. Ты не причём. Как это «в жизни отзовётся»?

— Тоже верно.

— Может, другое?

— Возможно. Завтра — ToGD.

— Как дышится?

Серж потянул жёсткую трубку в носу, по которой кислород добирался до артерий, мешала «собака».

— Пока дышу... — про «надеюсь» говорить не хотелось, да и кто поймёт...

— Я видел твои рентгеновские... — они понимающие взглянули друг на друга.

— Ну, давай, — он протянул руку, — до завтра.

Банальный, но дружеский визит, всё-таки, был приятен. Потом два помощника сестрицы, Войтек — не медведь и Андре — неизвестный, ворочали его «остов» с боку на бок, поправляли простыни, подушки, делали массаж спины, втирали в кожу какую-то гадость, похоже камфару, чтобы избежать этих самых «зажелней» (в смысле «про»), и откровенно обсуждали над его телом сексуальные возможности, нет, не Лиз (с этим было покончено и возможно до «восьми»), а какой-то Карин. Диалог двух молодых людей носил эрогенный характер, под стать их возраstu и спецменту — моменту:

— У тебя с ней? У неё зад — сказка.

— Задсказка?

Остальное было за скобками. Без пяти восемь забежала Лиз, но уже без иглы. Колоть устала?

— Завтра — кольнёмся!

За окном уже не каркало. Серж, набрался сил и, как бы с разочарованием, выдохнул:

— Уже? Беги...

Она повернулась и унесла свой силуэт к своему, законному. А реанимация готовилось к обычной ночи. В отделении девять коек — «жильцов», семь — «да» (великолепная семёрка?), двое — «нет». Интересно, к какой категории он сейчас относится, принадлежит? И тут вошла в его «медберлогу» высокая медсестра, уж точно не «милосердия», с ногами из подмышек, в зелёной защитной пижамке (Пижамэ, ты моя пижамэ...) и

в такой же шапочке. На груди всё это дело было закрыто, а на противоположной — всё отвечало диалогу молодых самцов. Бёдра у неё действительно были — «коня на скаку остановят».

— Вы Карин? («задсказка» — подсказка).
— А откуда?
— Мы с вами уже заочно...
— А вы «док»?
— Был.
— Ну, что вы, «док» — это навсегда, как «чехорда» — Чехов, Булгаков, Вересаев...
— ?
— А вы откуда про них? (Ничего себе...)
— Мой муж русский диплом пишет: «Врачи-хомячи», по их запискам — на рубашках...
— На манжетах...
— Ой! Идиотка, я всё перепутала.
— Так у вас с мужем общие (корни)?
— Да, нет я — испанка!
— Ах... кастаньеты, мельницы... всё с одной е-мельницы.
— А как вы угадали? — она поправила прядь, ну, волос конечно, который высунулся из под шапочки, — вчера, мне 25 — было (ДР — день рождения), он меня в — «Moulin» (Rouge). Голые перья, ножки, сапожки... Да, у вас ещё...
— Укол? Может обойдёмся?
— Ну, что вы... сами знаете... эмболия (лёгких).
— Карина, извините за прозу в поэзии, пришли-те мне через ваших, пару «пистолетов» («пистолет» — тут, там — «утки» — там... парами и трава в росе...») знаете ночью, чтобы не беспокоить...

Так уж вышло Сержу с детства была близка эта физиология, независимость...

— Дуэлянт! — она ловко это ввернула и выскользнула из контекста, из цепких чьих-то рук и из его «берлоги». Как там у Бабеля — Эппеля:

— Делай ночь, Нехама!

На боковую...

Теперь можно было окунуться... в себя, без всяких там «фиглей-миглей». Хотя мысли текли как-то вяло. Симптомы? Да никаких. Как он сюда попал? Зачем? Почему? Какой, на фиг, самомеданализ? Ничего себе: следствия-последствия. Сорок лет быть по ту сторону барьера, без «Индуса», и нате... молотком — бух! И рефлекс коленный исчез. У нормальных (людей с улицы) — нога на ногу... («замок»-бессознательная защитная позиция девушек и молодых, в поддых, женщин». Может отсюда и «ключ»-клич: «На позицию девушка провожала бойца?») опять удар молоточком под коленную (чашечку) — бух, и нога взлетает, подпрыгивает. А тут — допрыгался — бей, не бей, конец прыжкам, иудей. Завтра — ToGD (Transit oéso-Gastro-Duodénal) — это тоже самое, что и TGV (Train Grande Vitesse). Два разных понятия, но — показывают движение. TGV-ToGD — от точки «А» до точки «Б». В данном «V» — «D». Скорости разные, а «Б» — одна. Мерзость заглотнул и... поехали, если повезёт. Боже мой! Тут Серж мысленно на всём этом поставил точку, хватит — обесточил — «замироточил». Но одно верно на больничной (кайке)-лучше бы простым пациентом, чем таким же скопом — со своим стетоскопом...

Кто сказал, что утром в «Моцарте» лучше вечера в «Сальери»? Оживленнее — да. В шесть утра вспыхнула какая-то активность. Из всех углов поднималась ночная смена: медсёстры, их немногочисленные помощники и «цы», санитарки — всем тем, кому сего-

дня удалось «отъехать» часа на три-четыре: в углах на матрасах, на раскладушках, в лёгких алюминиевых креслах, подремать на столах. В семь утра зажгли свет в коридоре, и началось специфическое реанимационное утро — деятельность: в уши пациентов — термометр, на руку муфту — давление, в нос — кислород, в вену — иглы, из «пистолетов» — в банки-бокалы, б/у простыни (их след простыл) — в баки, график — в личный лист-трафик. В 7.30 — лихорадка деятельности поднялась на градус. Слышались сонные голоса, стук тележек, каталог на стыках палат, оживлённые, спросонья, диалоги:

— Хе, голубушка, да куда же вы сползли...
— Это не я — простыня...

Вопили кардиоскопы, не — планово, а — спонтанно. Иногда вопили подо/п/лечные. Все девять «постояльцев» были живы, и это было наградой ночной смене — ночь «проспана» не зря, никого не «проспали». В 7.45 каталка «Марьяна — кормилица» въехала в палату:

— А полопать?
— А? — странно Серж поймал себя на мысли, что тут на «пороге»... «basic instinct» — лучше «коленного» (рефлекса).
— А что лопать?
— Что композитор послал.

Значит: четыре сухарика, корова — кубик масла (особо мерзкий Н.Пунин за столом с А. Ахматовой и её сыном Лёвой: «Масло только Ирочке!» — его дочке. Это в каких же мирах такие суки рождаются?), клубничка конфитюра, липовый мешочек чая («Эль грею?») на нитке и кипяток.

— А может шоколаду? У меня пудра: «Ванина» — запричитала «Ням-ням».

— Ванини, — ухмыльнулся Серж.
День обещал... За окном уже открыли свои глотки вороны.

В 8.00 замелькали уже знакомые лица, чтобы не сказать «ножки» — Лиз, Карин, ещё штук десять — похоже пятерых обладательниц... странно сексуальное «бездорожье» обостряет это дело... на краю «тёмных аллей» (алей?) и коридоров... В 9.00 «начальник» повёл своё воинство в обход — в медобход. Снова ударила литания медных латинских терминов:

- Эмболия?
- Ловенокс.
- Позвоните Тажежу!
- It's a long way to Tipperary... — раз в день.
- Простата — святая простота запредельного возраста. У Миттерана спроси...
- А у него какой?
- Пневмоторакс.

И опять:

- Ну, и как дышится?
- Хреново, как пишется...

В 11.15 молодой человек просунул голову в дверь:

- Кто тут на снимок?..
- Я — на «портрет» — в тон ему ответил Серж.

Внутренности каждого здания — лабиринт. В «Моцарте» чехарда уровней полов создаёт дополнительные неудобства. Повороты, подъёмы на две — три ступеньки, лестничные спуски... Чтобы доехать в «горизонтальном» до лифта нужно войти в три виража. Правда, водитель «транспортного» (средства) только четыре раза мягко врезался в стену, а так доехали. «Каррара» — внизу не очень помогала верхним виражам. «Передвижник» был явно склонен к диалогу:

- Доедем?
- Возможно.
- Вверх?
- Вниз.

Ждали минут десять. Серж, как мог, поддерживал (разговор), тянул резину:

- А у вас лифты часто (ходят)?
- Да, нет... ломаются. У нас их вообще — три, но «ломовой», который не... — один.

За закрытыми дверьми, что-то гремело, ползали, напрягалось. Из карманамятой блузы «перевозчика» торчала книжка. Автора не было видно, но титр лез в глаза. «Принц»... Серж вытянулся, пытаясь глазом зацепить «нищего», ну, конечно же, — Марка (Твена). Ты ж понимаешь... Видимо оценив, что интеллектуальный уровень диалога зашкаливает, молодой человек «поднял планку»:

- Я тут книжку нашёл. Кто-то выкинул, по косям, — он похлопал себя по книжному — передвижному (карману), — класс! Я даже на память...

— ?

Этот санитар был не так прост, как его каталка.

- «Мощь государства определяется не в лошадиных силах, а в Троянских конях». Тут не очень понятно...

Так вот, что торчало в левом...

- Э...ба! Привет, Никко... и Каспер(ский)!
О, Господи! Мак и Авелли!..

— Скажите, а второй кто? Первый — «мек»... это понятно...

— Специа-Лист по «контактам».

— А...

Со скрипом (или лями?) подъехала «коробка». Боже мой, открылись двери. Десять «кубических»

были забиты под потолок. Чтобы выпустить каталку всё содержимое выкатилось из его «брюха». Даже непонятно, как это всё туда влезло Бруттом (в брутах, в неттах, в кг?): «ложе» — с молодой дамой, коляска — с не молодой, четыре капельницы размахивали своими «палками», три санитара из центральных стран Африки плюс четверо французских аборигенов, которые боязливо жались по стенкам лифта. Серёжин «мак» рванулся вперёд, за ним — второй с «девой», который встал рядом. В его ногах приотилась «кресло»-коляска, а четверо местных «генов» в смысле — «абори», вонзились в пустое пространство по вертикали, между колёс и железных «горизонталей». Такое ощущение, что их санитарно-транспортный проезд-девиз был: «До краёв!». Два здоровых потеснили «всё это»... и третий нажал на кнопку. Каррарский, Касперский, и два Сикорских — не спасли. В лифте было такое ощущение, как в парижском квартале *«La goutte d' Og»* — «Золотая капля», где годами, разноцветные ребята, торговали — «капали» в своё (удовольствие) наркотой. Здесь «колёс» не было, но «золотая» атмосфера базара ложилась на случайный лифтовый «коллектив», как надо. «Золотая молодёжь» переговаривалась открыто, не надевая белых перчаток и не заботясь об ушах, Ахматовой и душах присутствующих.

— А ты ей засади!

Пожилое «кресло» наклонилось к лежащей рядом с Сергеем «деве»:

— Он хочет высадить?

— Ну, что вы, это «за» — личное...

А ещё неделю тому Серж от удивления рот раскрыл. Японец Kubaysi решил в космосе соединить два сателлита десятиметровым тросом и по нему

лифт пустить. Инженер — спец по лифтам («т» не нужно?). Уже «коробка» в 36 куб-сантиметров по модели ползает. Мир ахнул и дал ему сто двадцать миллионов. Серж рот закрыл и ничего не дал. А «лифтёр» не успокоился... он решил теперь соединить сателлит (на геостатической орбите) со своей кухней-квартирой в Токио. Девяносто шесть тысяч километров нанотроса там уже «наноплели» и все теперь ожидают японской «подвязки». Через двадцать лет туристам-пассажирам: «Заходите, пожалуйста, приподынем!» — полное «обояси»! Вы — в космос, инженеры — в клинику (в псих?). А пока выручай, Кубаясик. Есть ещё время, заскочи к «Моцарту», там два лифта без дела стоят. Заплатят.

И третий лифт пятой республики — «мелтинго-потовый», «мелтинго-потный» заскользил кряхтя вниз, к рентгенам и «кюри» и, хорошо бы не произносить этого, — к «сержиному» диагнозу.

— Вылезаем, — случайный любитель Никколо М. толкнул каталку наружу. Всех «заключённых» базар-лифта уже рассыпали по этажам. Здесь в полуподвале было тихо. Никто никуда не ломился только рентгеновские аппараты тихо жужжали и светили лампами, напоминая всем желающим, что у Жолио Кюри была жена, которая открыла всё это... Полуоткрытые двери трёх кабинетов позволяли увидеть довольно внушительное пространство, в котором суетился только один субъект.

— Вы ко мне? — он обернулся на колёсный стук.

Серж выдохнул:

— Нет, к вашему аппарату.

— Тогда в четвёртый и подождите...

Начинается, — подумал Серж, ибо «на свечку дуло из угла», и было довольно прохладно лежать

под белой... никакого жанра — «соблазна» — не морг, но всё-таки... плюс шестнадцать.

— Ну, а я пошёл... — сказал его «рулевой», — когда закончите, меня вызовут, — и тут же «смылся».

Тишина в студии. Вертикальная стена рентгеновского (аппарата) занимала полкомнаты, а в маленькой клетушке за стеклом, светились три портативных компа. Две капельницы болтались на «железе», стойка была накрепко присобачена к кадру «лёжева». Справа портативное радио: «Амадей» (а как же иначе) ломилось, захлебывалось от десятков пиццикато, стаккато, двойных нот, аккордов и фиоритур... Скрипке было наплевать на всю эту тишину, на ожидание кого-то, которого нет вовсе, на технаря, который в третьем кабинете нажимает на все педали-кнопки, пытаясь сделать удачный снимок рыхлой дамы с таким же бюстом, занесённой сюда тем же «золотым» ветром — лифтом, на этого Сержа, «бывшего», который не понимает что он здесь делает и, который анализирует всё, что не попадя... кроме своего медицинского... в ожидании Годо, в смысле рентгена.

Миловидный голос радиодамочки разорвал тишину:

— Яша Хейфец. «24-ре каприза Паганини»...
— Опять Никколо! А чего тут удивляться — Яша — не барабан... Миша (Хейфец) — не «Иерихонская»...

Мысли плыли, а жёсткая «труба» с кислородом в носу уже не мешала и возвращала к музыкальному сюжету. Никколо Паганини — любовник средней «руки» второй (средней) сестры Бони, Паолины, княгини Пьомбины, Массы, Каррары и Гарильядо. Ему генетически не повезло. Сначала с

ней (кто-то подсчитал 152 любовника — за сорок), потом — с «синдромом Марфана» и в пятьдесят восемь лет он — сыграл и отыграл, порвались все струны — отскрипел. Сейчас, на каталке, Серж никак не мог вспомнить, что же это за синдром, который унёс великого Никколу. Похоже «Марфан» — это триптих: поражение глаз, сердечно-сосудистой системы и удлинение конечностей. Отсутствие значительной «подушки» соединительной ткани позволяют суставам развивать такую гибкость, которую ни за какие деньги... даже, если ты — Яша- Миша. Но не это трогало Сержа. Симпатично другое: Мессалина-Паолина-Полинька назначила Никколу № 2 на три поста: первый — любовник, второй — капитан личной гвардии — её тело (а) — хранитель и третий, не лишний, — придворный виртуоз. Первый, правда, временно. «Пост сдал! Пост принял!» Из всех этих Серж лично предпочитал второе — капитана, наверно потому, что всю жизнь оставался младшим лейтенантом, а уж любовником... любовники приходят и уходят, а капитанские (погоны-(р) и четыре...) — это, как «Болт», «подъёмные» и ключи от съёмных квартир — навсегда.

Теперь уже дуло изо всех углов. Технарь исчез насовсем. На стене у стеклянного закутка (от Хлучей) висела репродукция... Ничего — себе — пре-Целков, пост? Серж зацепил её глазом. Броские фламандские дамы, обрубки шей — столбы, а груди — им могли бы позавидовать эти... «мычащие по молоку». Длинные тонкие ноги держали эти центнеры живого мяса — Жан-Мария Бумпют (Jean-Marie Boompute), что по-французски и по-русски переводилась не как «первый бал Наташ», а как — «вече-

ринка у проститутки». Опять прощения просить надо у языка и броненосца-«фамиленосца».

Странно как-то всё это крутится в Сержиной «черепной». Всё о ком-то, всё о чём-то, а о себе некогда подумать... А ведь сейчас, когда «технарь» придёт... Может специально он, Серж, всё это мысленно отодвигает?

— А вот и мы, — сказал этот «плёночно-кассетный», протирая руки.

— Похоже, вы не очень спешили...

— Да у меня четыре... а нас немного.

— Охотно верю.

— Встать можете?

— Если поможете с этой «банкой», — и Серж кивнул на переносной железный баллон кислорода, на сорок литров.

Вертикально, по правде сказать, стоять было не очень, перед глазами всё плыло, но уже кругами. Хорошо, что у этого «железа» (аппарата) были какие-то ручки.

— Я вам дам выпить...

— Гадость?..

— Да, уж конечно, не «Вдову Клико», — и он нажал на кнопки. Сосок трубы ласково и доверчиво прижался к «солнечному сплетению».

— Глотка́ми, не всё сразу...

— Да, уж...

«Мерзость» свела челюсти...

— Ещё...

Серж видел краем глаза экран компа... белый ручеёк пробивался, но не так чтобы уж очень... Техник засуетился:

— Ещё, то есть — «encore»!

— Вы уже всё? Похоже, не проходит...

- А ведь всё течёт...
- Ещё стакан...
- Давайте!
- Залпом!

Сам бы ты залпом... От этого «залпа» закружила голова, как у этих, у «Зимне-Летнего» после, единственного (?)... (говорят) «Авроры».

Странно. Серж вдруг почувствовал, что что-то, на уровне «солнечного сплетения» (ты ж понимаешь, «солнечного» — в контексте неуместно), куда этот рентгеновский «сосок» снаружи нежно присосался — вдруг захлопнулось, как двери-девери от удара ветра, на сквозняке. «И вновь у этого самого входа» (глобального?)... Сквозняк и толкучка. И эта, с косой.

Техник нажимал на кнопки и теперь уже сноп Х-лучей прошил «малострадальное» тело.

— Ничего не понимаю...

А что здесь понимать... Из точки «А» — в точку «В»... Пищевод ведёт в желудок... тут понимать нечего. Если контрастная (жидкость) не проходит... значит, что-то мешает. Значит, не виноват Тажеж, значит, не виноват Левин, значит, не виноват Герцен? (два тома писать, не дома, в Лондоне — одного хватит). Значит — патология! А кто виноват? Да, никто — судьба (в смысле — папа с мамой). А где же симптомы? Если даже жидкость не проходит — то только под нож. Не хотелось ана(аго/н)лизировать, да ещё стоя — это позже. А мозг Сержа просто отказывался признавать эту новую ситуацию, увы, — реальность. И он, этот мозг-идиот, вдруг вместо того, чтобы рвануть на себе рубаху от жалости, от этого неожиданного «приглашения на стол», на казнь — к хирургам, поплакать над общей судьбой, вдруг «дал» почему-то частушкой:

Ах! Туфли мои...
Лопается кожа.
Я тебе бы отдалась...
но в сенях негоже.

Как же это «перелопатить» на французский, чтобы не оскорбить самого Михаила Леонидовича, ни его авто — переводчика — «Лозинский», ни Сержину личную переводчицу — Ани, и, не дай Бог, его собственную иностранную жену — на «Ф», не покоробить эту его персональную «лопату». И, о сюрприз, его головной мозг, этот ленивый идиот, подсказал — выдал — перкопал тут же, на этот самый — Верлена...

Oh! Mes belles chaussures...
La crème fraîche des craquelures.
Prends mes fesses... comme garniture —
C'est tout ce qui reste de confiture.

Может на английский? Нет, этот, сержин не потянул, протянул... сам переводи — не спиннингом «спинным», но Оливье Требюк, который на пять минут заскочил в «Моцарт», так — на «ку-ку», в три минуты, защитил не «докторскую», а свою и литературную «честь семьи»:

Wow! How nice is my footwar!
The fresh butter is crackig there.
Taking my ass as container
And eating jam in my armchair.

И уже чуть позже, в своей «берлоге», на четвёртом, «бессознательный сдвиг по фазе» (р?) принёс ответ не Чемберлену — Оливье — Сержу. В 17.15 — в 16.15, по Гринвичу:

Ах! Как прекрасно ходить в туфлях!
Как — в сливки, в — масло, как ноги — в пах...
Бери мой зад. Он твой — контейнер...
Моё повидло, товарищ Клейнер!

Ничего себе порезвились... в туфлях — языки (а линг-барьеры?)... Секс? Биологическая защита... «на краю»?.. Чёрт знает что, товарищ Клейнер? А если это «синдром» Фанфана Тюльпана — Жерара Филиппа? Не хотелось бы...

А старший брат «how nice»-а, Ив Требюк — глоб-тротер, который в «UTA» — крыльями туда, сюда, который тоже на пять (минут) после «aartchair»-а, забежал к Сержу после «младшенького», и который в Ханое своими глазами наблюдал захват города доблестным «Вьетмином», перевёл сходу (и по своему желанию) «контейнер повидла» на... турецкий. «Не нужен нам берег турецкий...» Ошибаетесь, Господа, ох, как нужен:

Ah guzel akkabilarm
Krema çatlakları!
Popomu garnitur olarak al
Kalan recel sadece bu...

Иван Алексеевич, тоже: «Ах, тяжела турецкая шарманка»...

Следующие три дня до «ножа» выплывали из тумана, ну, как эти «челны» — члены, русского мужика, который любил топить влюблённых женщин, в набегавшие волны. Чтобы поднять себе настроение Серж даже придумал тему-заголовок оптимистической джонки-книжонки: «Завтра будем пободрее...», хотя, сам в эту «лодку» не верил. Раскачивала реальность. Новая, старая ситуации... Одна — уже привела

его в эти стены, вторая — в лучшем случае здесь (в реанимации), его на какое-то время оставит. В худшем... Странно, но в это время «ножей», он почему-то подумал о своей переводчице Ани (почему, зачем, ведь она не его «лебединая» — бредовая-либидовая?), которая всё время пытается зачем-то постигнуть «загадочную» русскую глубину (в смысле — «Муму»? Зимних бегов — побегов — пробегов в туалет во двор? Русское «глубоководие»? К «Титанику» собачку, Собчака, не возьмёте?), — душу языка-народа, что ли, вкус слезы. Успеть бы рассказать ей этот полуанекдот для двух групп студентов литфака. Проф (по-здешнему, за бугром, там — преподаватель) чиркнул мелом на доске забавные четыре строчки, которые он услышал по радио, когда рязанский хор, на всю Ивановскую, развивал, разевал, знакомил (весь соц-поц-лагерь?) с тем, что он будет делать сегодня вечером:

Эх, лапти мои...
Четыре оборки...
Хочу — дома заночую,
Хочу — у Егорки.

(Опять — лапти... «Сапожники»? «Красильщики?.. «Крепёжники»?.. Где-то ткут, натягивая холсты на подрамники, — «Текстильщики». Про «кокетливые туфли из конопли, с четырьмя»... — для сельской болотистой, через сто пятьдесят лет после отмены «крепостного»). Первая группа должна была превести «заночую» на «English», вторая, отдохнув от этого наглого «наглиша — инглиша» — обратно, на местный, «крепостной», но с егоркиным ароматом — «брексита». Справятся?

Невыносимо туфли блещут лаком.
До бездны, только шаг, всё решено...
Мне дома сон уже не лаком,
Мне нынче спать у Джорда суждено.

И как справились! То ли группа, то ли — один, Лозинско-продвинутый. Безделушка... но какая! Коснуться глазом — ухом приятно. Уловить интонацию, насмешку-радость. Всё это он хорошо запомнил и сомнения тоже. А поймёт ли эта дама классического французского эту липоватную фанеру, эти «оборки» — под, эту иронию «во дворе» (последнего перевода), чисто русскую? Не завернётся ли? И причём тут она — жена французского Командора Почётного (Легиона), который глаз за(на) свою Родину во Вьетнаме положил, и не всегда счастливый русский язык этот, и он — Серж, бывший (и там и тут) анестезиолог — (ист)? И весь этот «сапожный» бред, который через три дня... сменится другим бре(н)дом — берегом.

Эти три дня в его «медберлоге» были «Днями открытых дверей». Если и раньше они не так, чтобы закрывались, то теперь похоже, они, были просто... — нараспашку. Кого только не перебывало в эти 72 часа: кардиолог, реаниматолог, радиолог, анестезиист, хирург, кинези. Только стоматолог, психолог и, простите, так уже вышло, гинеколог почему-то не зашли попрощаться — представиться. А команда «иглоукалывателей», вообще расположилась табором, у этого места встреч. «Квадрат» Тажежа влез в проём:

- Не виновата — я...
- А тебя никто и не...
- Хочешь анекдот?

— Про гастрит?

— Граждàне, он «острит».

— Давай уж.

— Журналист в стране кокосовых (грехов — орехов). Всё висит. Высоко. Как же вы их тут собираете? Да так... ложимся под (ними) и ждём «когда ветра»... А когда его нет? Ну, тогда — не урожай! Рожай, не рожай, всё равно — неурожай! — и он повалился от хохота. Серж тоже «подтянул», но не повалился — уже лежал. Потом, вдруг, появилось хорошенькое женское лицо-силиэт почему-то в гражданском чёрном платье с белым горошком, ну, типа: «Какая женщина всегда знает, где находится её муж? Вдова». Не похоже. Серж это помнил отчётливо, потому что было ощущение, что этот белый (горошок) подкатился прямо к нему. Никто — не забит, ничто — не забито.

— Салют, доктор.

— Привет. А вы кто?

— Я ваш(а) — анестезист, — рассыпался (не на пол, в — улыбке), «горошок».

Господи, красива до неприличия.

— Ну, тогда я — отдаюсь в ваши...

Она улыбнулась:

— Руки? Отдавайтесь.

Хорошо бы наоборот...

— Ну, вот и славно, до... (в смысле — завтра),
док.

Кардиолог был дебил.

Если мальчик любит мыло,
пасту или порошок,
то у этого дебила
будет заворот кишок.

«Заворот» — поворот (кишок — какой стишок!) был у того, кто любил мыло... Дебил — не дебил, но Сержа «надыбил». Два пучка седых немытых волос торчали по двум сторонам немытого мылом черепа. Он был похож на прозектора — трупдока Гаршина, за которого должна была выйти замуж Анна Ахматова и с которым у неё ничего не... Тому, по трупам, за день до свадьбы, приснился сон. Вовремя умершая мать умоляла своего сына — в прозекторском сне: «Да не вводи ты эту (ведьму) в семью». Растирнулся. Не ввёл. Может и к лучшему. Иосиф тоже какое-то время работал в прозекторской. И «Хвост» — по его мнению... И Соколов Саша — из биографии... «Немытый» всё время пытался выяснить был ли у Сержа инфаркт и страдает — ли он от чего-нибудь «высокого» (в смысле артериального)... Хотелось ответить, что только от социальной несправедливости, когда он его/её видит, или от второго кошмарного «пришествия»: фото «папы Ирочки» — Н. Пунина за одним обеденным столом («котёл» общий, а маслице — частное!) вместе с А.А. и её сыном. После визита хорошенького «горошка» и «дебила» — стишака особенно запомнился — хирург, который стал главным и действующим лицом — доктор Chiche. Шиш? Надо же... И тут судьба — показала?

— Шиш — хирург, — он улыбнулся и протянул руку.

Ах, как подмывало ответить этому французскому Пирогову: Шиш, не Шиш — ножом не рассмешишь, — но Серж сдержал себя, — а вдруг?..

— Бывший — агент Морфея...

— А я думал — «Моссада», — лукаво уронил Шиш.

А он не прост...

— Вы друг Тажека?

— Похоже... Шарло — мне близок...

— Значит, и вы мне...

Начало было симпатичным и обещающим.

— Теперь о наших с вами (делах). Я попытаюсь всё сделать, как Циклоп — «целиоскопом-циклопом», не открывая «ящик Пандоры» (это он о сержином брюхе), — но всё же, я не могу дать гарантии...

— Какие гарантии, дорогой док? Только не забудьте, открыв это «дело», без офтальмолога... его закрыть.

— Обещаю.

Начало было положено. Они сунули друг другу руки. Как это там: «Невыносимо туфли блещут лаком?..» и дальше — про лакомства.

Последний день до операции прошёл относительно спокойно, хотя никаких лакомств... не было. Зачем дёргаться, когда ничего не изменить. Утром, вдруг, забежал Эрик... — медбратья, с которым Серж (по-мед-братьски) стоя жевал каждый день, пять лет, батон-палку-багет в 40 сантиметров с сыром с дырками и ветчиной в «Леонардо». Эрик был энтузиаст, но с полным (приветом)... и в свободное от «да Винчи» время барабанил на барабане — джаз (жизнь, в которой есть «бах», с маленькой, с маленькой... — баход словенна!) и принципиально «крутил педали», отказываясь от всего того, что на бензине. Сейчас на нём была жёлтая футболка, на которой белым читалось по-местному: Cafe — «Le reservoir d' essence» — ну, кафе — «Бензобак». Серж «бросил»:

— Ты что, автозаправку купил?

— Да, нет. Кафе у меня рядом с домом, для старшеклассников. Я там два раза в неделю «стучу». Мы даже девиз заделали для второгодников: «Не

сдашь «бак» (аттестат перезрелости) — вали в «Бензобак»! Двадцать процентов скидка на «коку» и на «белое»... — из-под полы.

— Бензо-передин? Потому и — «Бензо-бак»!..

— Похоже. Классами (кассово) из колледжа валият. Там вместо столиков — в этом(й) кафе — «резервации» — резервуары из ворованных мопедов — бензобаки. Бубу, ты вот что... я и Алиса (тоже мигрантка «Моцарта» из страны «да Винчи») тебя любим... и Тажеж тоже... держись. Мы к тебе завтра прорвёмся, после восьми.

— Не напрягайтесь, ребята, я буду — «под этим»...

— Да, хоть — «под тем»...

— Ладно, «ударник», беги. Стучи — этими, крути — теми (педали)... может, увидимся.

И дружеская волна тепла слегка накрыла Сержа.

А напротив унылый «ящик — ТВ» давал унылые местные новости, правда, разбавленные «открытыми столами — не 12-тью стульями» — пожилых, истеричных — «консультант-мутантов». На этот раз про Бразилию. Всегда приятно поддержать разговор на французском, когда бордель на — португальском (в смысле — бразильского), у кого-то, особенно если «права человека»... эти сволочи, ущемляют, как у этого «рыжего» — в Америке, у седого — наглого, «под бокс» — в Израиле или у этого, совсем уже спящего... на всё готовом — «голубом» (Дунае), которые палки в колёса всему человечеству-«союзу»... А, если — свой (в смысле — борделя), то это даже хорошо — сектуризм в «караванах»... несмотря на то, что Венсенский (лес?) — далеко (за отсутствием присутствия «этого» — в Булонском, где когда-то для примера завалили не премьера — Мату Хари...), и штрафуют, гады, не по правилам. Эти-«в ящике»,

вопили, вспоминая год, когда на португальском... проявилось это новое слово — «импичмент» — полный беспочмент. Сенат и Парламент Бразилии, в 20-ть 16-ом, спровоцировали-«выкидыш». Мадам Дильма Руссефф (русско-бразильская дама, на «Petrobras», не «рука» Москвы-«нефти», поскольку нулась?), была публично выкинута из её красного, плюшевого, президентского — в плешивое/ую/ на балконе, — кресло-качалку.

— Во, дают!.. — нянечка Роза, что «по относительной чистоте», что — то делала со своей супер-кибер-шваброй (5 — на(д)садок — детсадок), под его спец-кроватью, разинула рот на «ТВ» — коробку, где реввились французские консультанты. Серж, так увёлкся своими и чужими (мыслями?), что не заметил даже, как она вкатилась сюда со своим «тегелиным».

— Стране угля...

— У них, что «атома» нет?..

— А зачем им атом, когда есть — Месси...

— Мессия?

— В каком-то, Роза...

И та, забыв свои «прямые» (обязанности), «кри-выми» — снова уставилась в «коробку».

Так почему же эта Dilma Rousseff — русская дама? Серж был уверен, к этому «гнилому mestu» ведут два обстоятельства. Первое: Господа, бразильцы, телевидение-слушатели: Вслушайтесь. «Руссефф» — вам что-нибудь это напоминает? Ведь вам «на уши» слон не наступил? Второе: эти два эфемерных э- «ff»-а — (граф Orloff, такой же — Brussiloff, не говоря уж про Romanoff-а). На Западе-эти конечные, конченные две... тянут местную орфографию на Восток — ногами вперёд, к мокрым петлям осин, к «развесистой клюкве» или, в крайнем, к плакучим деревам — ивам.

Бразилия... Пеле...

Стоп!

Кто помнит это не «хмурое воскресенье»? Вся — Франция и Серж — тоже. В этот день случилось чудо: 12-го июля 98-го (года) — в воскресении/е? Хотя... и горе тоже. В это же день погиб в Ирландском море — Эрик Табарли — гордость и слава этой республики — «5-го королевства». Табарли — бывший офицер, военно-морской лётчик, полуфранцуз, полуирландец (по маме), был первым, который прервал, разорвал английскую «гегемонию» — «тягомоннию» владычество, под парусом, на всех возможных морях и океанах. А его, ах, этот парусник, эти безумные линии — «Pen-Duick — 1898», глаз не оторвать! Жалко в воду на таких... и такое спускать... Но кто в этот день счастливого «безумия», кто помнил об этом? Серж! Ну, вообщем это был некоторый «вариант конца» Прокофьева — («Любовь к трём...» — опять апельсины из... и «Пети и волка», если Петя — Сергей Сергеевич (?), то волк, ну, сами понимаете...), этого лауреата шести «волчьих» премий — 5 марта... Ну, и ну... всё перепуталось.

Стоп!

Впервые эта бело-сине-красная и футбольная — вышла в финал с Бразилией. Два гола Зидана головой и один, большого любителя Моцарта — Сальери Эммануэля Пети накрыли всю Францию «покрывалом» невиданного, видимого экстаза.

Ах! Ох! что творилось в ту ночь на улицах страны и в «ТВ» — ящиках и черепных коробках. В 23 часа на «Елисеях» толпа сто тысяч! Вы ж по-

нимаете... И всё такое... А когда по «Триумфальной» (Ремарка-ремарка) полыхнуло «лазарем» — «Zidane-président» — «Зидана — в президенты!» радость толпы сменилось настоящей коллективной и гордой истерикой. Дожившие говорили, что всё «побледнело»... перед таким движением масс, даже Де Голль, в своем генерал-майорском кеппимундире, в сорок четвёртом, в день освобождения этой самой Арки.

А за двадцать часов до этого, в четыре утра-12-го (дон?) Карлос, в смысле — Роберто нападающий, сам — звезда, который делил номер с бразильской супер (звездой) и тоже нападающим (который, уже не мог ни на кого напасть — Господи, напасть какая!), — Рональдо. Карлос вскочил в холодном поту. Этот особо «звезданутый» Рональдо, его сосед, — потерял сознание и похоже зашёлся в конвульсиях. Медицинский «стафф» кинулся «бомбардиром» на помощь. И второго, на поле — самого главного, на «скорой» французской «немоши», живого, (не как одну ле-Ди), доставили в клинику: «Porte des Lilas» («Въезд-вход-дверь сирени») под сиреной, как в одноимённой французской «фильме». Всё, «жёлтым» — капут.

За двадцать часов до финала — не — «ок»-лемается, а если даже — «ок». Бразилия из этого самого дела... не вылезет. Лозунг: «Не важно — выигрывать, важно — участвовать, чтобы проигрывать?» — имел место.

Боже мой, уже двадцать, как...

Прав был завхоз команды бело-сине-красных Даматино де Фария (которого все почему-то звали «Ману»), который за десять часов до этого взрыва

эмоций, погрузил в холодильник своего нанятого грузовичка пятилитровый «магнум» шампанского — изуита «Dom Perignon»-а — 5892 евро и кое-что другое подешевле... — 30 футбольных маек со второй белой звездой чемпионов мира, на всякий... (приказано, в случае пожара — поражения-«tee-shirt»-ы сжечь, пятилитрового «иезуита» — вернуть!) Личная инициатива... всегда наказуема. А вдруг?

Завхоз Даматино де Фария — не ошибся. Рональдо похоже «откипел». После потери сознания и судорог забивать это самое... в ворота противника, то есть — «француза», гиблое дело. Сможет? Через девятнадцать часов супер-«звезда» вернулась на поле «боя», но это уже был «бой» со своей тенью и без мяча. Кто — с мячом к нам придёт, тот — от мяча и погибнет! Он, бедный Рональдо, даже не бегал, просто ходил, дышал зелёным, свежим. Эх, дорогой Загалло (тренер) — оставайся теперь в Европе, тебя в Рио тысячи разъярённых болельщиков, ох, как ждут... Да, всё это ужасно симпатично, но причём тут Серж?

В 5 утра, этого 12-го — воскресенья, в его квартире на Saint-Maur'е, на четвёртом пронзительно звякнуло. От неожиданности «Болт» прыгнул с библиотеки, на спящего хозяина и его гостю. Серж уже не помнил, кто прыгал: «Болт» или «Гайка», но то, что гостья пнула его голой ногой — это он помнил отчётливо:

- Опять тебя...
- Алло...
- Серж, приоткрыл... (глаз, разумеется).
- Пат?

Приятель анестезиост(олог), доктор Патрик Табеб, «висел» на проводе, но не как у Олега Григорьева — электрик Петров.

— Ты, что «охренел»? Что случилось?

— Я в — «Lilas»! Хочешь спасти Бразилию?

— Бастилию?

— Уже спасли... Бра-зи-лию!

Патрик был другом. За него... но сегодня вечером... — в «ночное».

— А в чём дело? У тебя что, в башке от этой «сирени» — осыпалось?

— Просыпайся, просыпалось. Ты — стоишь? Только не — падай...

— Уже...

— У меня — бразильцы!.. Полкоманды плюс Загалло — тренер... У всех — диарея.

— Ты шутишь? Им же сегодня — за «золотом».

— На сегодня отбегались в туалет. Особенно Рональдо. Похоже у него был криз эпилепсии... Но по мне, — пищевая и тяжёлая (интоксикация). В общем, лишние «руки» не помешали — бы...

— Если приеду, то этого мне не — простят...

— Кто?

— Финалисты...

— Тоже верно.

— Пат, у меня дома дама... — ещё тёплая... если уж совсем «зашьёшься» — охлажу. Звони, — и Серж повесил трубку. Спать уже не хотелось. Вопросы толпились толпой.

Пищевая интоксикация за 15 часов до финала чемпионата мира?.. Случайность? Судьба? Смешно... Кто-то помог? Шеф-повар? Соперники? Может, «свои»? «DST»? Может, «чужие»? Что-то

сверлило душу. Ах, да... Идиот... он отказал приятелю. А как же в «огонь и в эту самую»?.. У них там сейчас сумасшедший (дом)... Он потянулся к телефонной (трубке). Дама оторвала от чего-то сонную голову:

— Что случилось?

— Сиреневый туман...

И тут Пат опередил, звякнул:

— «Ок»! Все живы.

— А матч?

— Отыгрались. Серж, спасибо, что ты меня ранним-ранним утром не... («послал»).

— Ещё — не вечер...

Через двадцать лет, Эммануэль Пети, в документальном фильме «Арте» про этот — «98»-ой, ну, тот который — третий забил Таффарелю и, который «Лакримозу» Моцарта — на всю мощность в наушниках перед матчем, искренне заявит обалдевшей «публике — республике», что похоже: «этот матч был плодом — небольшой договорённости»... «Emmanuel Petit: «peut-être le fruit d'un petit arrangement»? Petit — (маленький) о совсем небольшом — «petit», так мелочи (договорённости), в смысле — «arrangement»...

Агата Тристи?..

«Сиреневый» диагноз двадцатилетней давности, как туман, уже проплыл, но Серж был уверен: его медверсия — меддиверсия.

Если всё было понятно про Розу, которая тут — тряпками, то совсем непонятно... причём тут далёкая «скандалистка» Дильма и эти мордатые, в близком, «ящике»? И вдруг... так это же, на балконе, в качалке (мы не только качаем... нефть) — «литературная» (дама)!

Корà Gabbana?.. Карнавал... Тюрьмы... Пол-миллиона — за решёткой. Сто двадцать тысяч заключённых с законченным (средним)... остальные с «не». Читать и писать умеют, но с трудом... Тюрьмы — кошмар. Медицины — нет. Овчарок — нет, или почти... (на всех «собчаков» не напасёшься). Но ножи — есть. А женских «ек» — нет? Хотя, у кого как. В камерах играют в карты, татуируют и это тоже... пьют «горькую», смотрят — TV, а в основном банды в этих заведениях — режут, режут и режут (коллег и соседей по камере), реже поют и танцуют. И, конечно же, «в бега». Правда, появился некий прогресс, новые ростки-побеги. В штате Паулу, господин Каленос (коленом в нос?), в шортах и в ослепительно белой панаме «люкс» — Original Panama — 100 % Toquilla straw. Handmade in Ecuador. Штатный директор штатной тюрьмы, с гордостью «засыпает» местному журналисту А.Сантосу: Моё евангелие — «Гуси, гуси, га-га-га»... да, нет, не — Гаага, не псих — я, не «завернулся»... Когда я в детстве пас гусей, то при моём появлении, они вопили так, что падали с «цитрусовых» эти фрукты-овоши, этот загадочный цитрус. Став штатным директором этой штатной тюрьмы — на шестьсот «посадочных» (мест), я вспомнил маму и предложил вместо овчарок пустить по вверенному мне периметру — следу (заведения), моих старых знакомых. У меня их пятьдесят в штате. Я обязательно поставлю этой гусиной «труппе» — стае памятник, как во Франции, в Сарля. Почему-то биологически, эти «хромоногие», при виде любого зека-человека, поднимают такой шум, что даже «немецкие овчарки» — бледнеют, теряются и то

же самое без «ся», — ориентировку и намордники. Мои «служивые» на вышках сейчас, успевают перезарядить... автоматы, не как раньше. Теперь я понимаю гусей, Рим... Раньше у нас каждую неделю — «бега» были... Теперь за год — ни одного «по».

В 12-ом (этого...), Дильма Руссефф провела закон-программу через парламент для бразильских тюрем: «Прочёл — выходи» (ну, в смысле — первый — пошёл! На волю!). Если ты, кореш, любишь, «корешки книг» и писать с ошибками, тебе откроется новая жизнь. Раз в месяц читай одну книгу и тебе на четыре (дня) уменьшат срок — наказание — за «штуку», даже если это проваренный, ворованный и безвкусный студень — «Малоховец». Правда, по каждой книжной трухе — «старухе», нужно что-то писать... объясняя мотивы и привлечённые средства... но результат стоит — топорного обуха (в ухо?). За год «читатель» (если повезёт и выживешь), могут по-Дильме, «скостить» — полтора (месяца).

Программа реабилитации «Чтение — пляж!» имела некоторый успех, но всё же не такой, на который надеялись местные письменники и, тем более, законосоздатели. Рецидивисты книг не читают — времени нет. Да и «Малоховец», не так чтобы... спросом — просом — коноплён пророс, а «длинные» (срока) — вообще не хотят ничего знать кроме своих длинных, в сантиметрах... (надо понимать — ножей). Э-ба... Бразилия — не страна «книги», скорее — «стринга», Стинга, пляжа и «мяча». Даже, если это сообщество, и приняло в свой «общаг/к» на шесть месяцев австрийского

еврея Стёфана Цвейга и его жену — Лотту, остал-
беневших от всего этого — предыдущего и, уже
стоящего (на их — нашем дворе), — настоящего.

Странная штука жизнь.

В 74-ом (того) следователь, старлей С. Гаеч-
ный, тоже (на Литейном, 4) «заворачивал» на до-
просе. Серж не любил все это: что было, то было.
Смазливый, с голубым околышем — околотком,
говорил прямо, без белых ахматовских перепутан-
ных «перчаток»: «Мы сделали фотографии вашей
библиотеки — «самиздата» у вас дома. (Покажите
ордер.) Видите, ваш кот: «Буцефал» ходит (дейст-
вительно, «Буц» — в профиль. Он бесстрашно бол-
тался между ног старлеев-«гебешников»). Смот-
рите внимательно. Это ваш почерк? Вот здесь —
«Мастер и Маргарита» и тут подтёк: «Воланд-
Серж-Булгаков. Видите?». (Не вижу.) Кто вам дал,
эти нецензурные, цензорные пометки-«выки-
дыши»? (У М. Булгакова кроме его профессии ве-
неролога ничего нецензурного не было.) Какой
марки «пишущая» (машинка)? Судя по шрифту-
«Колибри». Номер? Кто печатал? Какой клей ис-
пользовали? Где? Кто? Мы всё равно узнаем.
А пять лет лагерей, как минимум, я вам обещаю
плюс, я собственноручно позабочусь о том, чтобы
vas там... ну, сами понимаете... (в смысле — «опус-
тили»?). Странно... там, на пляже, читаешь — срок
косят. Здесь, в доме четыре, у Невы — накиды-
вают.

Самое грустное во всей этой истории было то,
что через два дня после этой «монолитейной»
встречи, Серж случайно встретил друга, счастли-
вого обладателя «Колибри» № 1265, на улице.

Увидев его, «колибриционист» — друг, молча пересёк Моховую (сменил тротуар), и больше они никогда не пересекались — всё одним махом, мхом, мехом, на Моховой, заросло...

А в Голландии, где тюльпаны... эти совсем обалдили... За год 19 тюрем — закрыли. Нет — зеков. Может ловить устали? Сажать некого. Всегда же есть кого... Хоть привози из-за «бугра». 2000 — смотрителей потеряли работу. Ужас! В «глазок» не заглянуть, не щёлкнуть тройным (засовом)... Может — наоборот... «рвануть» во Францию, там этих — до фига... «Общий рынок» — значит и «крытка» общая? Хотя, в стране «петуха» — другие сложности: не меньшие, чем в стране этой, «двуухголовой» (курицы). Видите ли, тюрем — мало, а строить — нет денег. Да и «местные» (советы) — не хотят у себя «глазков» и «колючек». Хотите строить «одиночки» и «карцеры», пожалуйста, но только не у нас — у соседей.

— Доктор, а вы знаете, что такое — «Мимикрия»?

— Бог с вами, Роз, откуда такие познания?

— У дочки — кошка. Я её зову — «Мимочкой».

— Это ж надо имена у кошек... «Болт», «Буцефал», «Гайка», «Мимикрия», а может и к лучшему, что эти литературно — мягколапые... иногда под ногами гражданскими? Роз или (а), довольная тем, что поддержала... (беседу), поставила жёлтое ведро на своего «телегина». В «ящике» вот уже целых три минуты кто-то целовал кого-то — «вза-SOS».

— Роз, а какой день сегодня?

— Воскресенье.

— Док, будем колоться?

— Колотиться...

Медсестра Инга — новая, а «иглы» — старые. День клонился к вечеру, а значит к утру, а значит к этому самому анекдоту про библио(п)текаря («оптёка, улица. фонарь»)... Потенциальный читатель спрашивает у этого, — кинетического, который по полкам-книгам ползает, пылью дышит: «Голубчик, можете ли вы порекомендовать мне хороший путеводитель? Конечно. Возьмите Данта».

Завтра, Дант?.. Сегодня, если не Дантес — дантист. (Стéфан Цвейг ужасно боялся ножной, не «е», зубодробилки, да и Серж тоже.)

В реанимации окна закрыты намертво. Зачем? Почему? Может потому, чтобы пациенты этих заведений не уклонялись от этих процедур, умываний, промываний — иглоукалываний, не вздумали уходить от них через окна, на «пятым» от пролежней и тоски. Сейчас пернатые заткнулись, а вместо них, всё-таки, через двойные, оконные, откуда-то снизу сочился, нарастая, какой-то знакомый шум. Мелодия? Вороны? Страусы? Штраусы? «Кармина Бурана»? Военный марш? Толстая Роза прислушалась и уронила:

— Опять «венгр»(?) свою «бочку катит»? Каждый день, хоть часы проверяй... Сейчас «Иерихонская» врежет...

Нет не — венгр — «бочка», кто-то другой. И тут вдруг Сержа ударило — Бунин. 110-тому, тот тоже в окно... где-то в Одессе (в 19-ом-07-ом) хорвата увидел, с «звероком» — обезьянкой:

Ах, тяжела турецкая шарманка!
Бредёт худой, согнувшись хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В её глазах печальных. Как цыган,
Сожжён хорват. Пыль, солнце, зной, забота.
Далёко от Одессы на Фонтан.

Ограды дач ещё в живом узоре —
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долг, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнёт
Велосипед бесшумным махом птицы
Да прогремит в немецкой фуре лёд.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка.
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далёк... сады, сады, сады...

Зверок устал, — взор старишка-ребёнка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьёт, зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жкуёт засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
ты далеко, Загреб!

Да, нет, Иван Алексеевич, ну, что вы? — улыбнулся последнему бунинскому слову без «а» Серж, — мы тут... рядом, с толстой Розой в реанимации. Я — с идиотскими аллюзиями, она, похоже, с такими же — «илл»...

Это она, которая с «иллюзией», про уличного небритого (музыканта), похоже «хорвата-венгра (ну, оттуда)-часы проверяй», который в помятом пиджаке и в чёрной шляпе, (но без обезьяны), тащил за собой на колёсах по тротуару «бочку» — маленький усилитель, но который гремел как надо... децибел на восемьдесят. Всё-таки — военный... Господи, так это же... марш австро-венгерской империи, которая уже давно развалилась, а усилитель остался. Дамы и господа, «Марш Радецкого» — Иоганн Штраус — папочка. Уличная «шляпа» подняла медную блестящую трубу и заиграла в такт магнитофону, который крутил, выкручивался, как мог, донося желающим великое музыкальное... марш композитора — «австрийца», под который любили танцевать не только венские дамы, но даже — кони, унося гусаров в красном, в далёкий Пьемонт. Боже ты мой... какой чистоты звук! И как он разбивал воскресную тоску сонной «пятой» (медицинской?) республики. Ах, сколько «дирижёров» размахивали то саблями, то дирижёрскими (палочками, не «зубочистками» в Пальмире, а Гергиев?), за сто пятьдесят (лет) после его создания.

Роза вдруг оттаяла:

— А даже весело...

Иоган Штраус — отец, где-то в 48-ом (восемнадцатого) написал это дело... великому военачальнику Австро-Венгрии, который всегда вставлял палки в колёса Напу и его блестящим генералам. Империи нет, а Вена, вот она, в венах нации. Австрия от этого марша — безумеет (простите за глагол — балдеет, бьёт копытом) и сейчас

вместо коней-гусаров раз в году, в Новый год, открытие всех музыкальных салоно-сезонов, всегда начинается с Иоганна Штрауса-папани, с «Марша Радецкого». Аудитория шестьсот-восемьсот человек в зале, в течение трёх минут 15-ти (сек), хлопает каждому такту (да, это не «длительные и продолжительные «аппло» в течение сорока-секунд, где каждый боится остановиться хлопать раньше соседа по креслу). А что вытворял Даниэль Баренбойм с этой публикой? Стоя спиной к венскому и симфоническому, он дирижировал не оркестром, а неподготовленной или «под» (судьбой, общей «империей», историей), в зале, публикой — сидящей толпой. То тихо, то громко, то жестом, то мимикой, то движением своего тела, это был какой-то сумасшедший сеанс музыкально-накального гипноза, психоза, где каждый «паблик»-сшедший ловил каждую интонацию великого маэстро. Вот уж действительно: всё в одно/м/ — в партитуре, в партере, на галёрке — «Смешались в кучу — кони, люди...» Бабель, с его женшинами и конями на лугах в мае, понял бы.

О, благородный «Радецкий», О, папа Иоган (Штраус) — ты подарил Вене, больше чем «нотный» (стан), ты подарил ей звуковую — не «истерию-стан» — историю! А что же это за такая фамилия щёлкающая, как орех на зубах, как «шаркающая кавалерийская» Михафанасьича (пыходка)?

Внизу медная труба мигранта звала из реанимации на волю.

Итак, этот загадочный Радецкий... Фельд и маршал тоже, прожил почти век — девяносто один. Участвовал в 50-ти. Получил 12 (ранений),

под ним угробили — 5-ых (коней-кобыл?). Был награждён — 46-ю орденами всех стран «разваливающейся» на куски Европы, — от коалиций до отживающих империй. Его военный китель с «брелоками» весил — 12 кг (для справки, в килограммах — у Брежнева — 8, у Иона Дегена — 6). А имя, имя, имечко. 8-мь — в темечко: Йоган Йозеф Венцель Антон Франц Карл граф Радецкий фон Радец. С Монной Бисмарк поспорит. У той всего лишь — только 7-мь, да и то — по мужьям, по койке: Монна Трэвис Стредер Шлессинджер Буш Уильямс фон Бисмарк де Мартини. А у этой, идотки, Имы Сумак (золотого голоса Перу) только — 5-ть: Зоила («Бессмертною рукой раздавленный зоил»? — «Наше всё», а «раздавленный» — «ая», срочная высылка Сумак в сумрак из «СССР'а») Августа Императрис Чаварри дель Кастильо. Праздник, а не фамилия, была у этого чеха — победителя, хоть и без этого «чай варя». А пятый гусарский полк Радецкого до сих пор играет свою личную и полковую, своего Йогана (для нагана), правда уже не на конях — на танках «Леопард»-«Абрамс» (и тут — евреи).

— А хорошо дует, — признала Роза, обращаясь к Инге.

Серж собрался с духом:

— Дорогая Роз, поможем единственному выжившему «осколку» австро-венгерской империи, блеснуть, встретить рассвет в Париже. Сделайте милость, возьмите в моей (тумбочке) — 12-ть, — евро. Два — вам, десять — этой, «Иерихонской», за окном. Бросьте, пожалуйста, с «пятого», где окна настежь.

— И вы растрогались?

— Да, великий марш. Joseph Roth, писатель, «абсент»-ист и «забубённый» алкоголик, в Париже написал.

— Ну, раз — «загубённый»...

Через десять минут всё стихло, и Роза умильно вкатилась в палату:

— Вежливый. Поклонился. Поднял шляпу, сразу видно — «австрияк».

День скончался. Пока только день. Как там у Блока:

В голубой далёкой спаленке
тихий сумрак и покой,
потому что карлик маленький
держит маятник рукой...

Он не помнил, какое было следующее утро. «Маятник»? Туманное? Седое? То есть шум, гам, какие-то обрывки фраз остались, остальное — премедикация (атарах, валиум?) перед этим делом... просто вытеснила сознание куда-то на периферию. «Осколки» разговоров, похоже, остались: «Ты сегодня позже...», «В кино: «От/п/равительницы»?.. (Серж хотел пошутить, добавить «п», но язык не слушался — за-п-летался), «Я купила пару штучек...», (Чего? Каких?). «А Гарик...»? (Какой Гарик?). Кто что «нёс» и зачем — непонятно. Потом напялили бумажно-синее. Затем, похоже, бросили — перебросили на тачку, то есть каталку, и — вперёд. Шиш ждёт, уже руки /у/помыл, великий прокуратор третьего этажа. Даже бодрая африканская бригада «лифтёров», в смысле — «засади», не раздражала: теперь уже не всё ли равно кому куда. Похоже, в кулуарах мелькнули знакомые лица:

Шарль, Эрик, Алиса... может, показалось? Хотелось увидеть весь этот «спектакль» со стороны, чтобы понять, «как это делается в Одессе, на Малой Арнаутской», но куда там... Всё крепилось в «черепной». Опять какие-то (голоса):

— Осторожно взяли... Опп!..

Как же это «опп» с двумя «п»? Ведь «о-операционный» (стол), с одним. Всё. Конец №2?

* * *

Он открыл глаза. Нет, всё-таки, ещё «не»... №3. Третий лишний? Этот период острого «post-оп»-а — период послеоперационного «шока» длился дня три — четыре. «Органон», который организм, должен был сам вывести то, что в него во время операции «засадили». Душевые «страдания», конечно же были, но пока они оставались нео-смысленными — «за кадром». А в «кадре» — только физические. Опять приходили — кому не попадя... — «народы», кому по дороге(?) и кому не... но в основном — «главные действующие лица»: «Горошек», Шиш и просто «действующие»: медсёстры, такие же братья, их помощники, гх-типа-«типперери», лаборантки и «ы». Капельницы вообще не прекращали свою капель, даже без капельмейстера.

На четвёртый день Шиш забежал поздно, часов в восемь вечера.

— Зашились, — спросил Серж?

— Зашился, — ответил Шиш.

— А наши (дела)?

— Похоже ничего.

— Почему «похоже»?

Шиш несколько уклонился.

— Мы начали с «целио», а потом пришлось «открыть», но я вас уверяю — заштопал как надо...

— Я не про это...

Про диагноз не говорили, только про... — Жерара Филипа (?), который с Виларом...

— Филипа знаете?

— Какого? Великолепного?

— «Фанфана-тюльпана» — Жерара Филипа.

— Знаю, а причём тут этот «голландский»?..

Шиш вежливо и деликатно замялся.

— Я сделал биопсию, похоже «его» синдром...

— Кого?

— Цветка.

Серж понял, что судьба опять «шиш» показала... Ну, и не «фига» об этом... Он перевёл диалог на более радостное, в этих условиях как бы приемлемое:

— Сейчас вылезать из ваших «шиш»-ек надо.

На мне, как на собаке...

— Дай-то Бог...

— Мы ещё вернёмся к этому... «собчаку».

— Спектаклю?

— Вопросу и его, Фанфана, растению.

Надо бы посмотреть в интернете отчего закатилась эта французская «звезда», в 59-ом.. А Шиш — молодец, не в латинских (терминах) выразился, а деликатно — в театральных.

Обалдеть, эта комната в реанимации с её «прибамбахами» стала его холодным «детдомом», в смысле — взрослого. Уже — десятый (день) пошёл. И тут вдруг, как спасательный (круг?), «Б.М.» полез в голову. Музыка... «Фонарь в ночи», как в уличной «опте/и/ке» Сан Саныча.

Ветер. Снег. Светло и пусто.
Никого. Один. Так надо.
Юность, молодость, искусство,
всё — лишь промельк снегопада.

Хлопья падают так густо —
в трёх шагах не видно сада...
Помнишь у Марселя Пруста?
Или у маркиза Сада?

Снегопад приводит в чувство,
Он — как высшая награда...
Вполнакала светит люстра
в трёх шагах от снегопада...

Один? Поэт (шалун?) уж отморозил пальчик?
Печеньице: «Мадлен», у Пруста, всегда глотается
до хруста... Сюрприз, диванная «реприза»... мне
утром отдалась маркиза!.. Немножко травмирует:
«так надо» (кто решил?), но это уже, как карта
ляжет... может она? От Сада до — детсада. А если,
всё-таки, серьёзно: «вполнакала» — это нормаль-
ное состояние, особенно если люстры затянуты
крепом и ты в — «горизонтальном». Но музыка,
музыка...

Заходили трое из «да Винчи». Двое — из «Мо-
царта». Одна, из сиреневой, футбольной — «Сире-
ни». Вопрос — «ça va?» — («как дела»?) стал связ-
кой, кодом, позывным, «делом» (как бы) чести.

В какой же это день было, когда кто-то тут в
коридоре брякнул:

— «Бронхиальную» — в седьмую!
Похоже, астму. Кто-то опять не дышит. Плохо.
А кому здесь хорошо? Хотя от этого редко, кто сра-
зу — в «ящик». Бронхиальная астма? Ну, и что же

это ему напоминало, кроме уколов эфедрина (адреналина?) и искусственной вентиляции? О! Боже! Ну, конечно же, Лотту Альтман, внучку франкфуртского раввина, которая обернулась... осталбенела и почти сразу же вышла замуж, за знаменитого венского писателя (после развода), который был старше её на 27 (лет) и того... женат. Ну и что ж такого... И, конечно же, напомнило «относительную порядочность» Цвейга, когда (по идеи), она (порядочность) должна быть в этом «конечном» случае, в виду авторитета мэтра и мужа абсолютной. Ах, эти «24 часа из жизни женщины» — 50 тысяч печатных знаков, как они встрепенули, встряхнули мир — поколение «веронала»! Опять в башке Сержа поехало:

Веронал «приводит в чувство, он как высшая награда...»

А весёлый Шенгели, тот который про Маяковского: «а всё ж убого писал, старик...», у которого, стелла на Ваганьковском и у которого на стелле: «Поэты Шенгели и Нина» (а ведь просила же Н.М. свою дочь, напиши на камне: «Нинка», как он меня называл... «Слаб, женский человече...» Написала — «Нина». На большее не осмелилась...) чиркнул ей — Н.М., 12 июня 29-го — про веронал тоже:

Оцепененья веронала
Дробь телефонная прервала.
Подошвы стынут на полу...

Хотелось пощутить: «Вчера я потерял одну»...

Георгий Аркадьевич понял бы, а «могильный» (камень) с падчерицей — не факт. Цвейг — Шенгели — веронал... — наблюдается а(вр)нал.

Он у первого всегда был в кармане. Как подумаешь — восемь белых кристалликов, зато — свобода. Лотта Альтман была серенькой, некрасивой «мышкой», которая день и ночь давала по «Underwood-1918»-у. Ему, их — (Лотту? «Ундервуд»?) посоветовали взять (на прокат?) — хорошо стучали, когда он приехал в Лондон из Вены. До этого у Цвейга была своя личная д/р/ама (Von-фон), с которой он и под венец, и два раза в «роддом», и на венские приёмы, балы, к президентам, на праздненства, к «Челлини» — ювелирам, к «Фигаро»-ножницам и венским портным. Friderike-Mary Von Winternitz — не досмотрела, а может специально? Пошла как-то в Лондоне «пошляться» по магазинам, пришла домой ранее назначенного, и нате... застала обоих, «держащихся не за дверные... ручки». Von — вышла вон! Не пала — «ниц». Завелась — развелась. Вот тебе и «24»-ре из жизни — обоих. Оставим Цвейга, который в состоянии тяжёлой нервной депрессии, приехал в небольшой городок Бразилии из Нью-Йорка — Petropolis (Петроград, по-нашему), где в 42-ом (в прямом и переносном, был — «потерянный» рай), подальше от его первой, которую (как говорят не свидетели-книги), он любил «от» и «до». Понять шестидесяти — зимнего писателя можно, а вот шестидесяти — летнего-с трудом. Лотта Альтман (опять-таки) в свои «33»-ри хотела жить, несмотря на то, что страдала от периодических приступов этой самой (астмы). Но, всё-таки, они не были частыми,

не смертельными и уж никак не могли довести её... до «гробовой» (А надо?). В общем, конечно, Цвейгу было хреново. (А кому не...) Позади мировая слава, богатство, признание всего читающего мира и интеллигентной элиты. А приятель Сигизмунд, ну, этот: «What's on your mind»: «Из этих двоих: Достоевского и Цвейга, я выбираю второго». А второй — Альберт «относительный» (Эйнштейн): «У меня все ваши книги — зачитываюсь, на полках». А третий — сожаления Томаса Манна: «Стéфан, я не понимаю, зачем тебе сдалась эта Бразилия, тебе что, здесь мало обезьян?» От себя не убежишь... Мир давно обрушился. В феврале 42-го Цвейг решил «уйти»... насовсем, но не один. Вместе.

Возможно, ему нужен был свой проводник — перевозчик — водогрёбщик (как В. Аллою), чтобы сразу махнуть на тот берег Стиksа, ведь он так боялся дантистов. И несколько фальшиво звучат его слова в предсмертной записке — письме: «Nous avons décidé, unis dans l'amour, de ne pas nous quitter.» («Мы решили, полюбовно, не расставаться»). Когда любишь — то сразу не закапываешь спутницу... А почему, если ты так «unis dans»... в этой самой (в данном — жену, в данном — некрасивую, которая в каретку 4 листа и 3 «копирки»... и в два раза тебя моложе, и, которая так боялась смерти от воображаемых родов, которой ещё жить, ох, как хотелось, даже с этой «чёртовой» — «бронхиальной»), нужно обязательно тащить — в «ящик»? Она же не пенсионерка — Лафарг, 70-ти? Да ещё во всеуслышанье заявлять миру об

этом? Даже, если ты и не Лотта, то даже не о-борачиваясь, от всего этого можно «о-хренеть», перед о-«каменением».

«Лучше уж не влезать в личную жизнь «письменников», — заявил недавно по телефону сержин приятель Вадик. И он прав. Ржавый гвоздь (к счастью?) не выдержал вес начинающего поэта Анны, в пятнадцать, неразделённая любовь рассыпалась, как штукатурка (впрочем, и разделённые, позже, тоже. «Первый» муж А.А. — Гумилёв, который больше всего любил три вещи на свете: церковное пение, белых павлинов и старые карты Америки, «вырвал пистолет из-за пояса» — «Аня, больше пятерых — неприлично»). Эта же забитая тема — «Поэт и гвоздь» получила лукавое продолжение у этой «японистки» В.М., хорошо державшей молоток в руках. Да, нет... «не гвозди бы делать»... Другое — как это:

Поэты ходили друг к другу в гости.
Они забивали друг в друга — гвозди.
Теперь поэты лежат на погoste,
А гвозди ходят друг к другу в гости.

Йосиф, по американской почте (лично) предупредил всех своих «пассий», всех как одну (кроме злополучной Дины — «шутки», в 70-ых. Смотри ниже). Учёт вёл? Всех этих «чудных мгновений», что если вдруг... то после него — ни гу-гу... как это было у них «с ним». Зачем? Почему? Не травмировать близких? Не травмировать дальних?.. Может, самого себя? Вообще никого «не»... «Проклятие» вопросы... Но это же — «литературное» наследство.

О, «жар, «по»... соблазна» (русский вариант), когда если не — тебя, если не — твою... — в лагерь, то из всех «углов дует»... у «Пяти (углов)?

Вдруг забежал на минутку Шиш и прервал, снизил этот внутренний накал «самоубийственного» монолога:

— Привет, агент! L'intestin — работает?

Ты ж понимаешь?

— Кишка тонка...

— Странно.

Чего же тут странного... как этих два площадных и «без»/л/палиндрома: «Давала попу, попала — в ад!» или такой же специфический бред усатого француза, который Серж услышал во время вынужденного перемещения по этой грустной, «вражеской» территории. Тот, как заклинание, как молитву, три раза кому-то повторил: «Лезу — на санузел». Вот и Серж тоже — на стену... Лучше на «на» — не лезть.

— Придётся с/т/имулировать.

— Без «т», пожалуйста...

Оба знали, что стимуляция «prostigmin» — ом кишечника, вызывает спазмы, чего ж хорошего, а тут ещё лёгочные (проблемы), «свежие» швы... и прочие «шишовые» мерзости.

— Ладно, подождём, — согласился Шиш и исчез.

Опять в голову лезла всякая чепуха, но это было лучше, чем медицинская цинковая дребедень. Серж вспомнил, поразившую его новость в «Блоговесте» (не — «а»), как раз перед «Моцарт»-ом. В Екатеренбурге, накануне «Дня знаний» (лучше не придумаешь), 17-летней девушке отказались продать сборники В.Маяковского, С.Есенина и И. Бродского, поскольку эта литература имеет пометку «+18». Ну, ладно, двое первых — ушли «сами», а «Жозеф»-то,

тут причём? Настойчивая дева (плюс 17 — минус один) пыталась купить их (сборники, на свои кровные), в трёх магазинах, на улице Вайнера, а также в торговых центрах «Гринвич» (шутить изволите? — там 24-ре... жил «последний») и «Парк Хай-/о/с», но везде «книгопродавцы», за «Бродский погост», на смерть стояли. Впрочем, для беспаспортного чтения кое-что у «Аэрофлота», осталось, таки, — надпись: «И. Бродский», на борту А-330 (бортовой № — VQ-BBE), читай, сколько хочешь, пока — «оно» /а/ (это «железо»-BBE) за бугор не — отлетело/а/. Ну, вот и приехали...

А три года тому (на его — 75-тие) давились до хрипоты вопросом все «ящики» империи, ну, почему же, такой дорогой, — другой дорогой, и так и не... (приехал)? Ведь писал же: «ни страны, ни погоста, не хотел выбирать»... а «паспортно-литературную» систему на «Васильевском»?

Ещё два дня кануло в лето. Теперь уже Серж начал «ползать». От койки до умывальника, от умывальника — до койки, но зато — сам... правда, под какие-то вопли: «Нужно мыться. Нужно бриться». Кому? Я — сам... но — «сам»-ого сильно пошатывало, всё-таки, пятнадцать кг скинулось... Но в этот раз появилось новое (допинг?), — смазливое лицико, чтобы не сказать «декольте-бёдра». Появилась на его суженом (ах, к сожалению, не суженном) горизонте некая медсестра — Анук. Похоже, по имени армянская «штучка», так и хотелось продолжить — «aimée», что на этом (языке) можно «переложить», как та, которую любят... что, наверное, вне этих стен и происходит, а может и в этих? Анук, которая здесь — в этом бумажно-зелёном ореоле (блузка — узкà, халат), всё-таки, выгодно отличалась от своих

«подруг», по ночной (смене), хотя бы потому, что во время этого дежурства она всё время «мурлыкала» в пол (и в пол — тоже) — голоса, «Богему» «маленького армянина» (так снисходительно представляли его публике псевдо-приятели, уже «достигшие», в течение десятилетия) Шарля, вернее её — его припев.

La Bohème, La Bohème,
On était jeunes,
On était fous.
La Bohème, La Bohème,
ça ne veut plus rien dire du tout!

Серж машинально перевёл 4 строчки «богемного» припева:

О! Богема, О! Богема!
Мы молоды были...
Кто помнит об этом?
Но, в общем, как раньше...
мы с полным — «приветом»?

Э-ба... Всевышний! Когда ж это было? В Ленинграде, в его тридцатилетие, 5 апреля 70-го, на 11-ой Красноармейской... друзья, приятели... человек тридцать... Колбаса: «Докторская», сам хозяин — такой же, портвейн-«777». Звонок. Вошёл Иосиф с бутылкой: «Незваный гость — хуже татарина, званный — хуже хозяина» (Документик зафиксирован после обыска, где надо...). А пока, в шутливой анкете квартсъёмщика — 11-го красноармейца, на вопрос, что бы вы хотели пожелать этому, «30-ти», Иосиф чиркнул на коричневом листе (простите, «свинцо-

The Chicago.

Filed Sep. 17, 1892, Feb. 10, 1891, May 3, 1892.

вой» на 90-то гр., не было и в помине) через всю страницу размашистым... Боже ты мой, сорок семь тому... а как предвидел поэт...: «Проект памятника доктору Сержу, слушающему Шарля Азнавура. Утверждаю: Иосиф Бродский. Top secret: P.S. I like miss Dina». Дина теперь в Петах-Тыкве продаёт, ну, эти, за пятак-«петах» тыквы... и заодно, показывает «товаркам» в шортах, этот «шорт» — лист, на котором «совершенно секретно», его рукой: «Я люблю Дину». (Сестру жены, ну, этого, с 11-ой. Дура, такое упустить. Оригинал предоставляется всем желающим и по подpisке. Теперь, та — идиотка, может на «петах» скамейке нести своим подругам: когда-то меня любил — Поэт».) Невероятно, как этот будущий «Нобель», всё предугадал в «чужой» приятельской (жизни).

- Анук, а ты кто? Армянка?
- Ну, что вы. Я — Генрих №4 плюс курица... Берн.
- А почему же — «Анук», курица?
- Мама — кино любила... Знаете, там актриса — Анук Эме... Ах! Ну, а мужчину — я не помню...
- Ты про Лелюша? «Мужчину и женщину»?
- «Мурлыкалка» перевела дух, хотя по идеи, это Серж должен был «переводить» этот самое... (в смысле — «ий»), после её — «игловтыканий».
- Мужчина — Жан-Луи Трантиньян.
- А я в каком-то... — Анук.
- Дрейфус?
- А причём здесь этот?
- Её настоящее — Françoise Soria-Dreyfus.
- Как у того... ломаного (капитана)?
- Так точно. А Лелюша в Каире лишили золотой (медали...) «Не фига путаться с «образовани-

ем»... в смысле — «женщины Дрейфус», ну, и «мужчину» — туда же... по-матери... и «по-режиссёру».

— А я думала Анук — армянское... как у Шарля — коньяк.

— А знаете, какое у «четырёх», полное?..

— Не очень...

— Шахнур Вахинàк Азnavуарян.

— А ничего звучит... Я трясусь от «Богемы». Особенно припевом.

— А я от тебя...

— В 70-ых иронически назвали статью о нём: «Франция — «азнавуривается».

— Не знаю, как Франция, а я — давно.

— Ну, о нём много чего... мерзкого: «Маленький армянин на высоких...» (каблуках), «Парализованные связки», «На сцене — ларингит», «Когда верещит — посмешище», «Тот, кто взять не может — «la»...»

— Вот, гады!

— Твои (французы)... долго не могли «въехать» в его (талант), а может, не хотели. Зато от него «англосаксы» без ума были. Потрескивающий голос (одна голосовая — парализована?). Уже много позже, 5-ть «Роллс-ройсов»? У него... Он же никогда их не водил. Как же так? И Пиаф тоже... восемь лет он был у неё: секретарём, шофером, мальчиком, не для битья посуды...

— А кто не был... любовником?

— Несомненно. Но это было... давно и в Нью-Йорке.

Стоп!

А с этим «эдитпияфом» тоже было не всё так просто, как хотелось бы Шарлю, Марселя — чемпиону мира (Седрану) и самой любительнице мордобоя (бокса). Это было задолго до того, когда она ста-

ла волшебно-национальной «глоткой» — глотком, гордостью этой самой страны: «Па-дам, па-дам...» Не — «Падам», но падаем. Ну, Марсель — Шарль — понятно, а Серж — то тут причём? Какие нити связывали этого вот тут, под «капелью», с той, от которой только и осталась что слава и голос, и даже не на — «костях», на — «виниловых»? В 2000-ом к нему на консультацию притащился (в смысле дохромал), странный пожилой мужчина, под 75-ть, месье Rufic. Серж запомнил этот «пуфик» ещё и потому, что у него был «размер». «62»-ой. Ноги не ноги, но желчный желчью (пузыри) — душа разрывалась — резать надо и хорошо бы — не открывая...

Стали говорить «за медицину», за «как заснуть, чтобы проснуться», за то, за это... На вопрос: «У вас семья есть?» Эти «ноги» ответили не стандартно, литературно(?): «Мои хромосомы, в хромовых (сапогах — бывший военный?), хромают по всему свету». Не каждый день такое «несут» пуфики... Почему-то коснулись «пернатых». Серж в это совсем не «въезжал», был не — «копенгаген», знал, что на этом языке франкопернатых, пиаф — это воробей! И вдруг Пуфик выдал: «В 43-ем я жил в Bagnolet, в одном доме №17, на улице Blanche, с этим(ой) самым (воробьём?)... Я на третьем, окна её/его на первом, на зелёный газон — давали. Так каждую ночь покоя не было. Где ж в 43-ем покой? Немецкие офицеры и солдаты — дверьми не надо... Окна хлопали. Только в окна, и туда... Я не... осуждаю. Может, она — «Пышка» Мопоссанина? Хотя, сразу после освобождения, птица эта «смылась» в Штаты... от уличных «парикмахеров». Франция на своих «дам» обрушилась... кто с врагом в койку, с ножницами — всех

под «нулёвку», не за свои — за их — «личные» и «у» (грехи-связи)...

Зачем он всё это «вывалил» Сержу? Непонятно. Причём тут пузырь — размер? Да, не причём... Просто связь времён... у Пуфика (в отличие от Гамлета) более солидная, не распалась... Потрёпанное-потерянное поколение? А у кого не потрёпанное, в смысле «дам»? «Жить — как-то надо...», — заключил философски Пуфик и «захромал» из кабинета на волю, закончив на этом свой «пернатый» визит. Зачем мне это всё? Тогда непонятно было. Сейчас, по-моему, всё встало на свои (места)...

А диалог с Ануки катился дальше...

— Здесь его признали... только в 36-ть. Но какой талант.

— А я его всегда — aimée... — она улыбнулась, «замурлыкала» и унесла свой «шарм» к другому... и тоже лежачему любителю местной киноленты.

Две Ануки... — две хануки?

Вот тебе и на... Хотя, Серж тоже про «капитана Альфреда» чир/и/кнул что-то, года три тому:

Свифт и Джойс
под сенью Пруста,
разминаются до хруста...
Моисей, Стендаль и «Грей»
спорят, кто из них еврей...

Ануки Эме не спорила. Она твёрдо стояла на своём... «капитанском» (мостике?).

Еврейско-армянская тема не отпускала. А эти три «капитана» русской Литературы? До Ануки Эме, на «капитанский», к рулю, встали (чтобы не сказать, взобрались на мостик) Пушкин, немец Даль, Досто-

евский. Аврал — не врал. Все — на борт и «за»...! «Наше всё» (у Апполона Григорьева попросили сказать пару слов в ресторане, ну, что-то уронить про великого собрата... А этот Апполон — на ногах не стоял, был в — «доску». Ну, раз просят... Он пьяно и вымолвил: «Он — все, а я наше, увы, — ваше?». И пошло-поехало) — выразился литературно: «Ко мне постучался презренный еврей»... Даль (не Стендаль), оставив свой четырёхтомник (словарь) толково объяснил всем кто «листает» и кому надо о «кровавых» наветах иудеев и, наконец, Фёдор Михалыч, смахнув детскую, рубанул топором «Слеза — желёза»: «Жиды погубят Россию». Эх, земляки-землячки... Ну, хорошо, а какого хрена он, Серж, здесь лежит — делает? Плятится безответно на — Анук... (А ну-ка, девушки...)? Ах, как бы хорошо сейчас бы поговорить с со «своими», ну, с этой — «5-ой колонной»-колонией, по душам, поронять слова, убрать запятую, многоточие... да так, никому — ничего не (объяснить) — убрать их за день к чёрту — и все «близкие» к Уайльду — скажут «Ах»! Кто что тут понять может? А там — паспорт и плюс — минус 18-ть? «Никто» — во все глаза глядит. Конечно, надо сжать оставшиеся (зубы) и — «на высокие» (каблуки — Кабуки)... А с кем бы он сейчас эти самые (слова) «поронял» бы? С Викой, с Владимиром Ильичём, с Ионом, с Борей, с Вадиком, с Колей, с Евсеем, с «Хвостиком», с Сержем и с Сашкой... из десяти — четверо уже «переправились», он на подходе, остальные где-то рядом... хоть не в реанимации, и то, слава Богу. Уже за семь десять — а впадаешь в детство и вообще выпадаешь... В распад? В рассад? В — дворовое, на Расстанной... Все эти «энкибеники»... вся жизнь — на веники. Считалка уже по-

взрослая... Счёт Парижский не «Шкловско-Гамбургский»... Расчёт с жизнью, со смертью? Вадик, где-то в 94-ом, уловил шутливую, почти детскую музыку-тональность, в «Пятилистнике»:

Мне приснился страшный сон:
Я — масон, и ты — масон.
Он — масон, она — масонка,
Мать масонского ребёнка,
И подхватывает нас
Мощный сдвиг масонских масс
Где на всех одна идея...

И это тоже-может-«гул»... Да, нет, не — «гул за-тих» — (опять прогул)... — это про «косяк» — «сдвиг», задвиг по фазе, конечно... Дальше он забыл. Прости, его Вадик... семь (строк) утащил, по Сержу, восьмая должна была читаться так:

Где бы встретить иудея... (?)

Да, везде... Лучше в реанимации? А так... на страницах? А зачем?.. «Как Вам сказать, Пётр...»

Всё... Еврейско-армянское... отпустило.

Сегодня — не каркало. За окном — никого, «На Шипке (по ошибке?) всё спокойно», как у — Верещагина. А странно... у Пиаф — воробы, у Бродского — зимородки... у Саврасова-грачи, у Сержа-врачи, у Хичкока вообще взбесившиеся — «Птицы», у Эдгара По, тоже — ворон, но с убийственным (для реанимации?) концепт-припев-рефреном-«Nevermore». «Никогда больше» чего? Жизни (у Евсея «в ожидании счастливой смерти»)? Кого? Его? Её? Ворованного куска сыра, по блату, который Бог послал... всегда немытому, грязному, переводчику Крылову?

У Валерия Шульжика вороны шары в бильярдной катают (для детей), с «номерами на боку», как в концлагере. У Вадима Перельмутера: «Ворон, брат мой, во зиме...» (братки, а «во мае»?). А у Велимира Хлебникова, от «времишей» — ну, просто закачаешься:

Там, где жили свирепители,
где качались тихо ели.
Прилетели, улетели...
стая лёгких «времишей».

Серж не удержался опять: *Кто всё понял, тот — еврей...*

А «воронки» («чёрные Маруси»?), периодически, то по сезону, то по ночам, на ленинградских (проспектах — улицах)? Грачи и галки, о, ёлки-палки... Пернатое (воинство) всегда за этой, с косой... сопровождает, косяками каркает...

Слева — у Сержа, что-то тянуло в области этого утёса-насоса... ну, этого... «тебе не хочется покоя», и отдавало в плечо и в три пальца, левой. Справа, как теперь водится — как обычно тянули швы (кто кого перетянет?), провода кардиоскопа, кислородные «трубы»... День бесславно начинался, чтобы бесславно закончиться... Правда, Серж, вставал сам уже чаще — «от кровати до умывальника», но ещё не рвал «пистолеты» из рук запыхавшихся на коридорных вираж — поворотах санитарок — Роз, Аделии и тоже на два «и» — Сильвии. Похоже, «дело» всё-таки шло на лад, без «ан» и без «ад». «Ящик» на противоположной (стене) вдруг вспыхнул цветом и заговорил, как эта самая «роща», видимо Серж случайно задел локтем кнопку.

Немолодой ведущий, в чёрном, «прокаркал» в прямом (эфире):

«Грачи, эти особенно умные, прилетели... (О, Господи, опять? а ведь этот... про «савраску»... — ни гу-гу). Хорошие новости из городского парка Пью-ди-Фу. Уборка мелкого мусора в парке этого городка отдана грачам, — говорит президент парка Николай де Вильер. За мелкую «мзду» — кусочек печенья, этот, может собрать ведро мусора за час. У нас галки и грачи — собирают кирпичи. Мы прикупили-б-ых. Кристофф Габори — даже создал аппарат: («Ты — мне, я — тебе») ты-окурок-я тебе, не спичку, — 15-ть (грамм) — хрустнуть, за работу. Конечно, мы не бросаем окурки на землю вёдрами, но эксперимент — очень даже... Париж — готовься»...

— Надо закупать, — заявила в дверях Сильвия с одним «я», и с красным ведром — «телегой», она была уже готова на всё.

«А сейчас немного о боксе (привет, Борик!) — продолжил в «ящике» «чёрный». Разрыв между мужчинами и женщинами в этом виде «рукоприкладства» продолжает стремительно уменьшаться. На женском чемпионате мира по боксу, в 2015-ом, французская мамзель Veau («тёлка» — в данном, беспорядок) так «влепила» немецкой фрау Order (фрау-Порядок) — (та приняла, в прямом, «на грудь»), да так, что у неё, у этой дамы, разорвались внутри силиконовые «карманы». Ответственный секретарь (секретарь-секреция, ну, давай, Лукреция?) женской ассоциации-консультации — «Le poing pour La Dame» («Кулак-для Дамы» или просто «Женский кулак», не-кулёк), господин Mops-Mozes, заверил: «Будем всё разорванное менять.

Порядок есть порядок. Поможем мисс — фрау Order, себя привести в это дело... Но что симпатично, так это то, что после этого «взрывного» (эпизода) приток в секции бокса молодых и «не»... женщин (с силиконом или без), по всей Европе увеличился в четыре раза. Мы опасаемся, что на всех желающих этих (грудей) не хватит».

— И у меня «силикон», — вдруг сказала медсестра Веро, которая спиной к «ящику», и, которая сегодня на «уколах», на капельницах и «пуантах».

— Силикон — насилион. Сиськи, письки... Всё надуто — влезла в «деликатное» неделикатно санитарка Сильвия, со своей супер-шваброй.

— И продуто... — «поддержал» низший техперсонал неожиданно средний (повыше квалификация) — молодой помощник какой-то из медсестёр, в дверях.

Серж обожал диалоги на «троих», «четверых», «пятерых»...

— И вы тоже по «морде»?

— Ну, что вы? Я — на цыпочках... 6 лет в школе парижской Оперы, — «Les petits rats de Paris» ...

— Не очень элегантно — «крысята», просто какое-то эренбургское падение в Париже?..

— А потом, я, дура, села... в седло. «Стыдобекер» — сбросил... Теперь — два винта, в левом (бедре)... «Пачки» — в тачке... — кобыл — на «дачке».

— Потрясающее, что вы — на винтах! Это же — винтаж...

— Как вы завинтили. А что это?

— Винтаж — это вино из наиболее удачных лет...

— Классно!

Хотелось продолжить, реплика догоняла диалог, но опоздала, осталась в воздухе, так и не произне-

сённой: «От винта!»... Серж всегда боялся чужих дамских истерик.

И тут ввалился дорогой «квадрат» (Тажеж). На его голове всё весело вверх торчало.

— Ну, и как, Бубу?

— Хорошо, но — хреново...

— Хочешь новый (анекдот), из вашего... Феликс рассказал... русским оказался.

— Подъезжает «Мерс» к церкви. Там почтовый... ну, для пожертвований... Бросает в него сто баксов, «зелёных». Отъезжает и тут же врезается в столб. В зеркале заднего вида видит второй «Мерс» и руку «мерсионера», с такой же «зеленью», готовую туда же... в ящик. Собирается с силами и кричит из разбитого (корыта): «Брат, там не работает!»

Все захихикали и деликатно прыснули кто во что.

— А у тебя?

— Почти...

— Кстати, ребята... тебе мандарины... Ходишь?

— Ну, так...

— Он — молодец, — подкинула Веро, — всё сам. Сегодня — брился...

Такое упустить:

— Всех не переброишь, — сказал парикмахер и повесился.

— А «бидон»?

— На Шипке — всегда ошибки, особенно, если эти кавычки (сигареты) куришь... Я там... — на конгрессе. Но зато, болгарки... Ах! Ох! Просто — просто-кваша-«заряженка». Утром с Шишем... пересёкся. «Шиш-потрошиш» — доволен. Да, вспомнил, ещё

один: «Сёма, что у вас за профессия? Кинолог. С кином связано? Не твоё собачье дело».

— Все — затряслись, а Шарль повернулся к Веро:

— Берегитесь его... Он в недалёком (прошлом) — Дон (Ж-Х)уан)... Ну, я — помчался... У меня ещё — три... И не забудь: пессимизм — ключ долголетия...

— Спасибо, дорогой, что поднял...

Тажеж скрылся внезапно, как и появился. А слева, в грудной, всё равно протяжно ныло. Веро плеснула на руки красный антисептик и с удивлением заключила:

— А он весёлый, ваш друг...

Опять дамы — к тому... а к — нему?..

— «Квадратура» его круга — его округа...

— И у меня тоже — он (силикон)... — вдруг сказала медсестра Марыйон — особенно голые коленки, зашедшая к подруге на пять минут «вздохнуть — дыхнуть — передохнуть», чтобы (как она выразилась) не сдохнуть...

Это было так неожиданно и доверчиво, что Серж расплылся в улыбке. Какие-то симпатично «надутые» ночи... В полночь доверие крепнет. С этого момента с ними у Сержа установились тёплые, полуоткровенные отношения и не только потому, что как говорил Василий Андреевич (Жуковский): «В 12-ть часов по ночам из гроба встаёт император»... хотя и это тоже, просто — глазки. За эти тринадцать дней много чего утекло и по-человечески приоткрылось. Из реплик, обрывков разговоров. сплетен, намёков, обвинений, здесь, на пятом (этаже), у «Моцарта», выяснилось, что у (дежурных) медсестёр, то есть: у Анук, у Лиз, у Инги, у Карин, у Вики, у Марыйон и у Барбары —

личная жизнь была — до краёв. У троих переполнена — любовники (при живых и не очень мужьях), две — только стремились к этому, ещё две — симпатично барахтались в семейных и на... «узлах-узах», даже не пытаясь вырваться на «волю»...

Про Джакомо, здесь вообще, никто ничего не (слышал). Что же это такое? Всё про низ и про низ. А хотелось, чего-то высокого... Может как это... кого-то... Серж не помнил, но восемь строчек давали...

Маленькая Божия коровка
проползла по лезвию ножа,
Сделала на ручке остановку
крыльышки раскрыла не спеша.
И взлетела тихо, аккуратно,
Никому не причинила зла,
Вспомнить было ножику приятно,
как коровка по нему ползла.

Но «низ» брал своё даже на «лезвии», несмотря на то, что это было приятно «ножику», который ещё не был, в тумане, ёжиком. Веро, уже без коленок и «ора» Марьон, продолжила их тему «силикона»... «Приоткрыла форточку»... и тут же у Сержа возник «жар, опять «пожар», соблазна»... несмотря на плачевые для него обстоятельства. Произошёл какой-то «сексуальный» сдвиг, и почему-то «это» развеселило и улучшило настроение. Заточка зрения?

— Я не согласна с Клемансо...

— С «тигром», который первую мировую (выиграл)?.. А что так, Верочка?

— Ну, сами посудите... «Il n'y a pas des vieux messieurs, il n'y a que des femmes maladroites». — Нет — стариков, есть только неумелые дамы.

— Бутада. Я — совершенствуюсь. А Феликс Фор?

— Да, вышла неувязочка...

Президент Франции Феликс (счастливый — Феликс подожди, только счас-лифчик?) Фор умер, в 58-мь, (в 18-ть 99-ом), в Елисеевском (дворце), во время сексуальных «тех — утех», на 30-тилетней даме Маргарите Стэнель... по прозвищу Мег. Фор — оказался ассом перины, в то время, как на его «президентском» (дворе) — «стояло» — не лежало «дело Дрейфуса». Она, эта Мег-маг, как и Веро, не разделяла эти «клеммы клемансовские» (взгляды-тезисы). Марго умела делать «это», как надо. На памятнике Фору благодарная Франция выбила долотом фару-эпитафию: «Он хотел быть Цезарем, а кончил — минетом».

Il voulait etre Cesar,
il ne fut que Pompée.

Ну, хоть это... из Помпеи. Великолепно. А что, прекрасная смерть для президента на публике — из Третьей Республики.

— Ну, погорячился — бывает...

А Верочка продолжала, бросив что-то, в картонное жёлтое ведро:

— А правда, что тестостерон вреден?

— Ещё, как. Эти — в низу, всегда мешают, когда могут. Китайцы — учёные: «Без них — плюс — 20». Лет. Кастрация — это «перлюстрация».

— Зато — голос. А мне тестостерон — как воздух...

— В четверг?

— Почему в четверг?

— В Оксфорде доказали, что максимальная доза тестостерона (в неделе) падает на четверг.

— А носки шерстяные?..

— А причём тут Лиль-текстиль?

— Оргазм-в шерстяных, тоже... калифорнийский сон, «додо» — либидо, опыт. А про «воздух», вы, как эта полька, в Ливане...

— Док, какая полька?

Сексуальный «ликбез» превращался — в университет.

— Правительство там в панике.

— А разве в Ливане есть?..

— Как бы, но что ему делать?

— С кем? С «Хизбаллой»?

— Ну, что вы.

— Оно, не знает, что делать с этой... Анной на ше... (из секс-марафона) — Лисевской. Та, объявила, что её цель переспать со ста тысячами мужчин. Набралось в округе только — 866: В Ливан мотнулась: «Ах, как я люблю эти восточные — шалости!..»

— Нет, не потяну столько... — вздохнула Вероника.

— Никто не потянет.

— Может не «протянет»?

— Скорее всего.

Медсестра Барбара, которая на полставки, случайная здесь, тоже подкинула:

— Док, в Англии, мои глаза, того — из орбит. На могильной (плите) текст, я вас умоляю:

Моей жене, которая любила секс,
но, увы, не — мой... Безутешный муж.

Карин тоже добавила, подвернулась, в свою, так — мелочь:

— Я тоже — безутешная, худею по «оксфордской» (программе). Они там нашли, что «поцелуи нужны людям для оценки партнёра». Ну, вот, — выясняю. Каждый засос — подсос — отсос сжигают — 20 (калорий).

А на той неделе Лиз, потупив глазки, привнесла в это жёстко-гендерное, свою лирическую ноту:

Она была, как эхо.
Отдавалась — в горах...

Ну, что-то вроде: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» или «Выхожу один я на дорогу...».

— А — «эхо», как — эго-эко-графия.

Жалко, что в «Моцарте», все этиочные рабочие «стрекозы» пассивно принимали-«поднимали» эти «проклятые вопросы», вместо того чтобы, как Анечка, активно участвовать в этом ливанском процессе — опьте... Сержу было, что сказать про «это»... этому «длинноногому воинству», разговор поддержать, как в том, анекдоте про философию, когда студенты пришли сдавать экзамен по этому делу. Вопрос экзаменатора всех ошарашил. Коротко и безнадёжно: «Почему?» Что почему? Все задумались, а Яша — «не», таки, сразу нашёл ответ: «Почему бы нет...»

Итак, пара (слов)... — Вирсавия и царь Давид, который, похоже, был приличным человеком, хотя... У неё, таки да — красотки был муж, тоже — «приличный», защитник Родины, у которой, как говорят потерянные источники, были родинки. Второй царь Израиля положил на эту энную «даму» глаз... и от-

правил её «приличного» (мужа) в гиблое место, ну, в еврейский Левинград, из которого, уж точно, «защитничек» живым не выйдет. Тот не вышел... а этот — в койку — к колодцу, к красавице. Не очень прилично, но сердцу не прикажешь, только её мужу. Чуть позже Альберт Эйнштейн — тоже человек приличный, ну, этот, который — «язык» всему миру... и теорию «относительности» и на скрипичке, и письмо президенту — давай бомбу делать, и в Лос-Аламос — начальником... к атомными структурам и «радиации», тоже «положил» (глаз).

НКВД подложило ему семью скульптора Коненкова, в смысле его жены. Дама этого русского «Джакометти» была относительно молодой, аппетитной и привлекательной. Альберт, по которому уже отступало многое (но ещё не всё), мог спокойно пройти мимо «молодой», но «относительной» и аппетитной — никогда, ты ж понимаешь — не выдержал. А кто выдержит? Ну, ладно, поработали с приятелями по «Лосу» — «продали» атомные (секреты) кому надо (для «равновесия сил в этом безумном мире»), но и отдохнуть... тоже надо. Коненкова (по заданию и приказу) рванула куда-то к великому физику, бросив на две недели своего Родена. О, Коненкова — всё для Родины! И вы, гражданин Коненков — спокойно, не надо!.. Но Эйнштейн не мог так всё это оставить, за кадром... не очень прилично всё-таки, какой-то дурдом. Обмакнув перо в «невыливайку», ещё не старый, но страстный ядерный любовник, чиркнул этому внештатному сотруднику этих «кого надо» и штатному супругу, пару «ядерных» — ядрёных строк, не секретов: «Дорогой друг (?). Ваша жена здесь на п(р)остое совсем изнемогает, но с моим участием-присмотром, ей стало намного лучше (кто бы мог

подумать). Она болеет, прилагаю медицинское свидетельство с печатью. Ваш друг — А. Эйнштейн». Тут уже царь Давид, Мак и Авелий и Казанова — охнули, схватились за головы. Как же они сами до этого не (додумались)?..

Вот она — физика греха, а мы то — недоросли, четыре класса приходской, школа ГБ, идиоты...

По его, Сержиному (мнению) — второй царь Израиля-с его Вирсавией у колодца — и гиблым еврейским «Левинградом»... смотрится лучше, чем этот скрипач-любитель, великий и пожилой еврейский физик, с этой «кобылой — конём Троянским» — Коненковой, в «опечатанной» и «рас» (кем надо) постели.

Ну, кто вам считает... Хотя... пачка эйнштейновских писем (в 19-ом и 80-ом) была продана за миллионы, в Сотсбери.

Стоит ли всем этим, напрягать французских дам после 12-ти (ночи)?

Да и сам Серж устал от этих виртуальных сексуальных бурь — разговоров.

Вдруг почему-то вспомнилась бутылка водки: «Шумел сурово брянский лес» с развёрнутой малярской этикеткой — шпаргалкой на горлышке, на позолоченной нитке, на которой кириллицей: «Лес стремительно сокращался, но деревья продолжали голосовать за топор, потому что ручка его была из дерева и они думали, что он один из них». Почему? Зачем? Причём здесь бутылка? Ну, ладно — «железобух», а кто будет голосовать за — «топорище»? Фёдор Михалыч?

У И.Бунина в «Дневниках» какой-то мальчишка поёт: «Запала мысль злодейская впотьмах нашёл топор» (на странице 136 — полу-«опорный аппарат»)... Где в Потьме? Воспитание чувств?

А пока суд да дело... выпьем и снова нальём... за эти глупые «суроно шумящие брянские» безнадёжные дёрева.

А боли слева — обалдеть. Кстати, какой сегодня день? Вторник? Ну, пронесло.

В английской забавно-научной (медицинско-социальной?) статье: «Дозы тестостерона — разброс по дням недели», Серж помнил чётко это, авторы «туманного Альбиона», на цифрах показывают, что «тесто» — король гормонов, он — везде, он вмешивается во всё, он всегда. Без него граждा�нам и «горожанкам» — никак, просто — кранты, а с ним открываются новые горизонты, чтобы не сказать — горизонтали. Тяните-тали. Понедельник — день «инфаркта» (цифры и кривые), пик тестостерона в крови у всех «самцов» (звере-вере-людей) впечатляет. Конечно же, масса факторов влияет на «это дело», но цифры этого «инфаркто-дня» и кривые этого «ми(л)окарда» — лезут почему-то неудержимо вверх, в этот первый день недели.

Там, у «мокрых осин», тоже было это замечено. Пьяная в «кирзачах» мудрость «запечатлела», запечатала, отразила этот (феномен) на двух словесных уровнях — выражениях, народно — коммунальном: афиша — объявление, справка на стене районной бани: «Четверг» — мужской, пятница — женский» дни и «Понедельник — день тяжёлый» (в основном, после трёхдневной пьянки и «Скорей бы утро, да на работу») и избранным, закрытым, интеллигентным, в кругах двух киношных столиц: «Доживём до понедельника...» (Без вопроса. Правильно — не доживём) и «Понедельник начинается в субботу». То есть, не доживём — два дня ранее двумя братьями указанного (срока)? Ах «Чистый понедельник» (После бани?

Честный»?), в «Тёмных аллеях» Иван Алексеевича! Или тоже — «Ax»! (в прямом и сносно-переносном) — А.А.А (в кубе):

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанье столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

Спасибо, дорогая «Ax», в смысле, Горенко, что поддержала, 110-тому назад в «их серебряном» веке, аннотацию (в нашем — медном) к книге: «Входите, лысая певица (к 20-летию журнала «Крещатик»), про «1500 каких-то бездельников» (а ведь автор этих строк даже не догадывался, что такое может быть, в «Каяле» и «Алетеи» — весной 2018-го.

Во вторник и в среду отдыхаем от рекомендаций и всего «этого», но в четверг нас ждут новые иллюзии учёных из Лондона, правда не такие, как дни недели у японцев: понедельник — тэцуёби, пятница — кинъёби и суббота — доёби. Господи, прости, публикацию Нины Пищик, которая задумалась.

Всех дам, которые хотят сушить в ванной пелёнки, умиляться новым лицом, петь (колыбельную): «Спи, моя радость, усни...», толкать коляски и ландо, милости просим... в четверг — в койку, потому, что у мужчин каждый четверг — это самый «главный» мужской (день), когда доза «тесто» (стерона) просто зашкаливает. Милости просим... — нет, только — в койку! В пятницу — лучше всего бросать курить. Оно, «тесто», работает как-то вместо пепельницы. Это признают и разделяют все женщины, у которых материнский инстинкт важнее, ну, этого — «основного» — «basic»-а... и которые — в четверг... В субботу, в воскресение и тоже — в пятницу важно не принимать никаких

важных решений, как то: изменять Родине, бросить (и через плечо тоже) жену, покупать 4 куба и метра дров, уйти к любовнице, нанять смазливую в «дым» — работницу. Уменьшение этого «субстрата» может повлиять на чёткую умственную работу главного бухгалтера (за справками, к — Б-у, М-у).

Всё-таки надо, что-то делать с этим «нытьём», левым. Сегодня в «ночном» опять Вero. Серж закинул голову назад. Хрустнули немолодые и шейные (позвонки). По экрану кардиоскопа бежали цветные линии его «констант». Зубцы электрокардиограммы, волна дыхания, и до «фига» цифр — давления, температуры, оксиметрии, капнографии. От себя не убежишь... Хотелось бы рассмотреть поближе «горб» этого голубого сегмента «ST», который много чего (даже идиотам) говорит, но нужна — «бумага», то есть регистрация обычной электрокардиограммы, правда, с разных точек грудной клетки.

— Вero, а кто сегодня на «стрёме»?

— Дежурный (врач)? Гречанка, док, — Эллада Цица.

(«Цыпа моя!» — любимое обращение Виктора Платоновича Некрасова.) А тут — Эллада, Паллада, Декада...

— Ну, что? Будить будем? — Серж кинул взгляд напротив, где над «ящиком», стенные показывали то, чего нет на самом деле — времени (этого — нет, а ночь — вот она), пол-второго.

— Хорошо, я звякну...

Интерны —очные «ломовые» лошади парижских госпиталей. Этот молодой (ты ж понимаешь) не так чтобы хорошо «оплаченный» и обученный врач, на котором держится весь этот госпитальный «хребет» французской медицины. Везде идёт битва не за «стакан» — «ставку», всегда лучше платить — мень-

ше, чем это самое — больше. А какое может быть равенство, когда эскулапы со всей Европы «тянут» лапы... и, когда вчера (в Виржинии) случайно приоткрыли завесу Стёфанду Цвейгу: женщина — в 24-ре (часа) произносит 20 тысяч слов, мужчина только — 7-мь? А как же равенство? Иностранныму «легионеру» — то есть, врачу-иностраницу (а эти «ломовые» — в клиниках, как правило — «иноходцы»), платят значительно меньше чем «коренным». Поэтому, надо «заколотить» почти — две... Поэтому, — настроение не очень... Поэтому — с ног (валится), особенно, если операции днём, а ночью — реанимации. Поэтому, спят, как солдаты на посту, когда и где этот пост представится... а когда — нет, утром снова — «скорей бы утро...» — вкалывать... Сегодня «представилась» — Ellada Tzitzia...

— Давай, Пеню, Вero.

— Пенелопу?

Не хотелось будить эту «спящую красавицу», но не самому же себя (лечить)... Да и по здешним «правилам»: ты здесь более или менее, скорее более — никто, так, обычная «история болезни» (пациент), которому почему-то сегодня не по себе... правда, пока ещё с входящим №-ром...

Через десять минут явилась полу — спящая «не»... — «Паллада»:

— Привет, Декада! Прости, что разбудил...

— В чём дело, док?

— Да так, слева... жмёт.

— Стенокардия?

— Похоже.

— Вero, ЭКГ и нате — спрей сейчас...

— Д — дедимеры (деды, примите не роды — меры).

— Да, конечно. Эхографию — завтра...

Опять «немытого» принесёт...

Веро прыснула под язык не смехом — спреем.
Нитроглицерин ударили кувалдой «по» и «в» голове(у), но слева стало полегче. Это взрывной «нобель» — нитро вдруг открыл какие-то литературные «кингстоны»... и выдал из памяти забавный стишок Б. М.-а, отвечающий «греческому» моменту. Не слишком ли много на этих страницах поэтических «кувалд»?

На листвы сырью жуть
променяю славу.
Проживу ещё чуть-чуть
с понтом на халяву.

Чья-то грозная рука
на плечо легла мне...
Пьяный нищий у ларька
собирает камни.

Время камни собирать,
чтобы завтра снова
в клинописную тетрадь
вставить камень-слово.

Ах, как хотелось, несмотря на всю эту «мерзость» слева, подкинуть, чтобы тоже долотом, по за сохшей на века глине кто-то выбил — глинописью — то, что сложилось только что в его башке:

Марковский рифмами беремен.
«Так надо»... переехал в Бремен.

Пока Серж вспоминал-катал «камни» Б.М.-а, Эллада уже держала в своих узких руках его узкую (кино)ленту ЭКГ.

- Полегче?
- Да, пожалуй...
- Док, на инфаркт, не похоже, а, впрочем, «эх(к)о» — нужно...
- Может «коронаро»?
- Кардиолог решит...
- Этот «немытый»?
- Помоется.
- А «Lasilix»? 80 mg?
- Веро, 2 ампулы внутривенно... — «взмахнула крылами» молодая докторесса, согласившись с просителем и обернувшись к медсестре, улыбнулась — стоило меня будить, когда он сам себя (лечит)...
  - Дек, а где ты ещё (вкалываешь)?
  - Ну, где купол золотой, в — «Инвалидах»... Там один корпус работает только — на 100 (коек).
  - 5000 — пустых (комнат). Плюс... — «Нап»-нацпамятник.

Веро подключилась:

- И пациенты тоже. Ужас. Я три месяца продержалась... Пилот вертолёта — женщина, без рук и без ног. Их там — человек сорок, доживают... дожевывают.

Серж как-то съёжился... французские военные инвалиды последних колониальных (войн). Он там выдержал только — 2-е (недели)... Замещал приятеля Studik-a, который с женой и трёхлетним ребёнком в «кругосветку» на яхте: «Фенечка»(?) подался, шкоты и «швартовые» отдавать-дёргать. Железным нужно быть... — чтобы там «заколачивать»... (да нет, не гробы — евро). Франк-«самовары»-«sos-страдание», но в позолоченной французской раме-кадре, в смысле — Мансар(д)а и «Инвалидов». На всём готовом... с забрийским, забрийским «понтом», «на халяву»?

- Они всё ждут?
- Чего?
- Войны... как в «Первую»... или терактов. Соседей мало... одиноко...

Ну, как же уйти от своего (прошлого)?.. В 74-ом, в Ленинграде... утро туманное, на кухне в Автово, радио: «А, послушать...», программа: «Настоящие люди»: «А сейчас для моряка дальнего плаванья Михаила по просьбе его жены Светы прозвучит популярная песня: «В нашем доме поселился замечательный сосед»...

- Элл, а ты откуда? — Серж ещё раз перешёл на «ты», ну, боль — простите.

— Из Ларисы.

Опять — «чайка», но до — Антона — «Чай-хо(н)те?».

Серж, чтобы спрятать боль, напрягся, пошутил, и вышло как-то так:

- Там, правда, «кисы»?.. (ну, про этих предположительных девиц) — из Ларисы...

— Есть немного... но большинство смыло(сь)...
после того, как — Гиппократ, патриот — лечил местных Ларис, не вылезая.

Тут же анекдот вспыхнул, вмешался в диалог. Там... — за кордоном, мужик читает объявление где-то: «Лечу от всех болезней»... Улыбается (первый раз за месяц) и роняет: «Ни хрена... от всех не улечишь...»

- В Ларисе — Гиппократ?
- А в Афине(ах) — Сократ, бос(я)иком...
- У меня любовница была — психопатка Лариса, с 7-ой линии Васильевского, ну, куда умирать все ходят. От психиатра — ко мне... А почему сюда?
- Муж — француз.

— Я... пошла, — и, обернувшись к Веро, бросила, — если что, буди...

В этот день Серж как-то дотянул до утра, несмотря на «что», хотя никакой веры, надежды, любви и в помине не было. Первых двух было не жалко, а третье — вызывало сомнение, но Цицу так и не разбудили (из гуманных?).

В 10-ть утра ворвался «немытый» (таки не...) — кардиолог, этот — «если мальчик любит мыло», толкая перед собой эхокардиограф. Ну, теперь время — «в горах отдаваться»?.. У него почему-то дрожали руки... и это с утра.

— Ну, что у вас?

— У нас — боли.

Хотелось спросить «А у вас?» Альцгеймер? Паркинсон? Минор? Ну, не вульгарный же алкоголизм? — но, сдержался.

— Поднимите, рубашку, — он бросил на тупой зонд помаду, которая проводит звук и «кривые» и стал водить его по Сержиной грудной клетке, ища проекцию сердечных клапанов. Нажал на жёлтую кнопку, и выброс каждого сердечного сокращения стал отчётливо виден на экране и слышен в динамиках. Какое-то нарастающее с надрывами хлюпанье (может быть отсюда и — хлюпик?)... Местная Ниагара в отдельно взятом субъекте... «Хлюпанье» было мощным, регулярным, радостным и прерывистым, но по мере продвижения зонда по коже в отдельных точках радость уменьшала свою интенсивность и напор.

— У вас уже был (инфаркт)?..

— Никогда...

— Теперь есть, — с видимым удовольствием произнёс «немытый» — я не хочу вас пугать, но стенка

между правым и левым («желудочками») — того... пострадала.

Ну, а как же: «Помирать нам рановато»?..

— Обширный?

— Да, уж... инфаркт что надо. Похоже, вас оперировали вовремя...

— Ну, и что делать будем? Стент (стент-рессор, который ставится в одну из артерий, питающую сердечную мышцу, чтобы улучшить кровообращение повреждённого участка, и это... через пластмассовый, двухметровый катетер).

— Я думаю... обойдёмся. Медикаменты... антикоагулянты... покой (?).

Кто обойдётся, а кого и не обойдёт... Только этого не хватало... Серж думал — наоборот... Неважно, что инфаркт произошёл во время или после (операции)... Без стента — кранты.

* * *

Ну, и как заставить этого «радостного» идиота принять его точку зрения? Ведь он всего лишь пациент. Попробовать поговорить с главным «подбородком»? Тажежем? Шишем? Вот и «отдался — в горах»... Ну, и шуточки у вас... А этот, уже довольный собственной «находкой» — диагнозом, лихо толкал «эхомашину». На выход. Конец №3?

В общем, похоже, всё идёт хреново... А вот на левой ноге знаменитого футболиста Давида Бекама сним, вытатуировано изречение из книги «Авот»: «Если не я — за себя, то кто — за меня»? Забивает левой нижней (нежной?) «конечностью» и всё прекрасно... но он же не в реанимации... которая забивает сразу двумя и не «не»... — и до «оконечности».

Нет, надо самому искать этот самый выход... Играть в футбол? Ехать к Цвейгу, в Петрополис, в Бразилию? Ты ж понимаешь...

Тут забежал друг Шарль — врач-«квадрат», который 1 метр 63 — повсюду:

— Бубу! Остановись! Сколько можно «осложняться»?

— Солдатами не рождаются, только — солдатками...

— Где (инфаркт) подхватил?

Инфаркт — ещё не фа(р)кт? Хотя...

— У «член»-диплома.

— У меня только... по «мелочи»... держись.

— За кого?

— За эту самую...

— Это она должна за меня держаться... Нерон прав: «Qualis artifex pereo»! — (Такой актёр того... — отдаёт.)

— Не преувеличивай.

— О'кей! Тогда — на подходе...

— Тоже не так, но всё-таки ты — прав, на одно-го — «перебор».

— «Бегемот», там, наверху, похоже, мою карту «передёрнул», легла не так...

— «Бегемот»?

— Да, кот, булгаковский...

— Из банды «Турникет»?

— Вот-вот... из «Мастера». А про инфаркт кто тебе «стукнул»?

— Симона, встретил... Хочешь новый анекдот, встанешь в очередь?

— Уже, стою...

— Дама рассказывает своей подруге в очереди на выставку Климта: «Сижу дома — звонок в

дверь. Открываю — стоит красивый молодой человек. Спрашивает: “Муж дома?” Я отвечаю, что нет. Тогда он входит, толкает меня на диван... Я до сих пор не могу понять, чего он хотел от моего (мужа). “Да, — отвечает, задумавшись, подруга: — Лучше поздно, чем никому...” Вся очередь (кроме Климта и Ван-Гога — на очереди) от смеха — в разнос...»

Оба (без очереди) растянулись в улыбках, плюс хихикнула Инга, которая сегодня под анекдот подвернулась...

— Бубу, ну, я помчался... Загибайся, как сталь, но всё-таки держись.

— Только на анекдотах и держимся. Через пару дней забегу... — и умотал, то есть — смылся.

Потом появился зав-«подбородком».

— Доктор Симон, можно ли убедить нашего «кардиолога» стент поставить?

— Вопрос деликатный, но будем думать...

Нажал кнопку на кардиоскопе и ушёл — «думать». День сегодня какой-то кислый. В отличие от Симона «думать» совсем не хотелось. Даже славные попки и коленки ходящих туда-сюда сестёр не радовали. На 6-ом канале «идиотского» ящика шла азартная игра: «Писатели и их округа» (супруга, подруга, подпруга?), в смысле «жения». Литигра из случайно набранных игроков из публики, любителей почитать. Начиналось очень симпатично: Густав Флобер о Жорж Санде: «Большая корова, полная чернил». Потом съехали на Джойса. Серж навострил уши. Ведущий заводил своих:

— А кто сказал что-нибудь приличное об ирландце?

— Русский, Набоков, — выкрикнула неожиданно сидящая в первом ряду толстая тётка.

— Правильно, — он сказал, — и сделал паузу, и правильно сделал. Толстая академически не унималась:

— «Улисс» — божественное произведение...

Да откуда же эта толстая взяла это? Интернет? Кандидатская? Университет, славянское отделение?..

Аудитория ахнула... Денежный приз ушёл...

— 1000 евро!.. Давайте — в кассу...

Сержу было смешно, потому что он вспомнил, что автор «Лолиты», виновник телевыиграша, очень тепло и радушно отзывался о «своих» и чужих коллегах «по перу», тиражам и пишущим машинкам. Сначала наш «берег»: Владимир Владимирович так жёстко о Достоевском, то есть о «Преступлении»: «Удивительная тягомотина» и на втором дыхании продолжил: «Дешёвый любитель сенсаций, вульгарный и невоспитанный». Потом, передохнув, о Горьким: «Потрясающая посредственность». Теперь — «другие берега»: об Альбере Камю: «Второсортный, эфемерный, раздутый...» (уже хорошо, что не раздетый, хотя...). Теперь о Сартре, не дрогнуло перо, не загорелся бронзовый «Ундервуд»: «Даже ужаснее, чем Камю», но о Томасе Мане В.В. выразился помягче: «Крошечный писатель, писавший гигантские романы». Мало не показалось... А о Теодоре Драйзере, это вообще скандал... «Устрашающая посредственность». Тут В.В. устал, но его «факел» дружески подхватили художники и тоже добавили несколько цветных мазков. Сальвадор Дали о Джексоне Поллоке: «Расстройство желудка после плохого рыбного супа». Шагал тоже не выдержал: «Какой гений, этот

Пикассо. Жалко, что он не умеет рисовать». Джакометти — о том же самом: «Уродство старомодно. Вульгарно, без всякой чувствительности. Отвратительно в цвете и без него. Очень плохой художник».

Проба пера? Школа-шкала-шакал злословия? Обмен мнениями? Дружеская критика? Ну, что вы... просто день — «Чернил-очернил» и дружеского мастихина...

И тут в Сержину голову ворвалась мысль: «Боже, как же я «биометрический» паспорт на 10 лет не продлил? С восьмью «о(т)печатками»... (пальцев)... Как же без него на этом свете?.. А на «том»?.. В общем, как сейчас говорят в Одессе, паспорт нужен: «От детсада до «Моссада»... Ну, не «болтайте глупостями»... А Серж и не болтал, просто «био» (метрический паспорт), как и всё остальное, сейчас был ему нужен, как корове седло, в смысле Жорж Санд.

И тут пришла хорошая новость: сам собой разрешился внутренний медконфликт. То ли доктор Симон хорошо «подумал», то ли за него где-то там — наверху, но «немытый» вдруг сломал правую ногу, выше колена... и как сказал Вадик:

Его пример другим — наука,
но, Боже мой, какая сука...

Его место (на какое-то время) занял чистый, честный и молодой кардиолог, месьё Degiso!.. Через два дня после чужого перелома он бодро вошёл в палату:

- У вас инфаркт?
- У меня — «конфликт».
- Я посмотрел досье. Поставим «стент», в IVA.

Там — «Стена плача», а тут «стент» — радости...

— Я тоже — «за»...
— В госпитале «Амбуаз Парé»... и чем раньше, тем лучше. Сегодня — пятница, вот и чудесно. В этот «week-end»...

— Но ведь в «end» — никого...
— Кого-нибудь найдём... Я звякну кому надо...
Ничего себе начало (кого-нибудь?), но всё же это было лучше, чем продолжать «сокращаться» с суженными, лужёными, сердечными (артериями) и нати(е)спреем под подушкой. Если бы молодость знала, если бы старость — могла... Молодость уже начала кое о чём догадываться, а старость уже ничего не могла, она правую (ногу), выше колена...

Чтобы поставить «стент» в университетском госпитале, надо покинуть (временно или навсегда) «Моцарт», но дня на три — минимум. Отъехать... Французский поэт Альфонс Алле совершенно точно выразился: «Отъехать — это совсем немного умереть, но умереть — это уж очень отъехать». Веро, которая тут сегодня, «над» ногами, перед отъездом задала Сержу довольно сложный вопрос:

— А вы вернётесь?
— Если не угробят...
— Ну, что вы, там — специалисты...
— Только не в «week».
— Тоже верно.

Оба знали, что в конце недели, то есть в субботу и воскресение, лучше не делать «резких движений», как то: операций, сложных манипуляций, получать инфаркты — в общем, в эти дни — лучше так, болеть по мелочи... как и в праздники. Все на дачах, за горо-

дом-огородом или в преферанс, в рулетку, а чаще — любовницы, и — за «воротник»... И то верно, неделя была до краёв. Итак, собирай «монатки», может, язык споткнулся на «е»? В эти два дня — только дежурно-«ломовые».

— Карета подана! — театрально сказала Веро, брякнув телефонной трубкой.

Два «лифтёра-засады» впихнули каталку Сержа в лифт и всё со скрипом ринулось вниз.

«Карета» не скорой помощи-«амбуланс», в субботу, неслась по Госпитальному бульвару Парижа, правда, периодически покрикивая сиреной (к любовницам кричала постоянно), в «булон», на Запад (гайки закручивать?), — «Boulogne-Billancourt», в «Амбуаз Парэ». Всё дрожало: туда-сюда, а две бутылки — с пятипроцентной глюкозой — капельницы угрожающе раскачивались на виражах. Пожилая «карета» — пожила и тряслась не от жадности, а от бедности, денег нет амортизаторы сменить?

Амбуаз Парэ? Любопытно... Что же он, Серж, знал об этом, «с бритвой». Парикимахер — долгожитель — почти 90, собой, своим скальпелем, весь 16 (век) порезал-побрал — «отбрил». Брадобрей — хирург короля и всей его рати: «Сейчас, только височки, Сир, подбровем по линейке, уголочки... и косичку подправим, а — паричок?...»

Кроме «височек» Амбуаз три года «прожил» в прозекторской. (Иосиф — месяц, Хвост — три.) Полатински Амбуаз — ни гу-гу. Академическая медицина — на него... косо — Косовым, но ведь... королевский брадобрей (бардобрей?) — хирург опасен, в случае чего в подворотне по глазам... полоснёт, в руках «опасная» (бритва, братва медицинская), мало не покажется...

Показались «чудовищные рёбра» Осипа Эмильевича, парижской «Нашей Матери» — «Нотр-Дама» с квазимодой, мордами горгон на всём что не попадя, около полицейской префектуры. «Амбуланс» притормозил — шлемазл, «пробка»?..

Ну этот — «Сир, только припудрю», оказался бретёром, и «париком» и «макером» от Бога, особенно, когда порохом или саблей... Бесконечные войны в Европе помогли Амбруазу. Да, и как не помочь...

Дёрнулись... Поехали...

Кровь — рекой, ампутации, ожоги, переломы, бесчисленные раненые на рыцарских турнирах, чуть позже всякие Атосы, Портосы, Арамисы и д'Артаньяны. Вот тебе и парикмахер с «Троицей» (новым «Тройным» одеколоном) в руках. И тут Амбруазу Бог помог. Он придумал впервые в этом дымящемся от пороха мире — перевязывать истекающие кровью артерии — жилой, а позже — ниткой. «Жильцов» после всего этого стало в два раза больше, и король был доволен... можно снова пополнить пошатнувшиеся (ряды...) Он, Амбруаз, придумал столько хирургических инструментов типа: «Sheren-Koning-W. Germany-Foreign-Patents», что они не влезали в два кожаных свиных чемодана. А «сыграть» с этим «инструментом» в деревянный, перевязанный бечёвкой — 1.75 на 60, слабо?

Опять встали... Дёрнулись.

На его гербе всего пара строк:

«Je le pansey, Dieu le guarist»! («Я — думаю, Бог — лечит»!)

Ну и «guarist» — на пару... А санитарное «ландо» уже, по правому боку, — «Инвалиды» проскочило... где, когда-то, Серж страдал духовно.

— Ça va?

Из кабинки, через окно перегородки, в салон, кинула вопрос «амбуланьсе»-«амбуло-снежка», ну, эта, не мед-мёд — просто сопровождающая.

— Ça va, Ça va!

— Полнό «пробок»...

А кого лечил этот... от зависти бледнеешь. Правда, все «ушли», но королевское эхо этой «парикмахерской» эпохи — осталось, до сих пор звучит.

Французский король №2, Генрих — 2-ой первым пошёл, наткнулся (в рыцарском турнире) на копьё Монтгомери. Идиот — с копьём... девушка — с веслом (Ваня Щадр)? Монтгомери бы только разжать руку... но глупый обломок вульгарной деревяшки вошёл № 2-му в глаз. И это перед свиданием с его любовницей Дианой де Пуатье... — умер, несмотря на старания Амбруаза и его команды...

Франсуа Французский и тоже №2 (ничем особенно не отмеченный) — вторым пошёл и тоже — умер.

Ещё один, активный деятель «католического» движения — Франсуа де Гиз — «меченый», со шрамом как у Скорцени, во всю левую щеку — «*balafré*»:

Шрам на роже, шрам на роже...
Мужику всего дороже.

попал в ловушку — зарезали, гугеноты по своим ногам-гугенотам. Будем мстить... А Амбруаз только «отдувался»... в своём кожаном фартуке работы было... в этом специфическом 17-ом веке — невпроворот, завались.

А чего стоит его диалог с Его Величеством №9 — Шарлем? Фигаро, Бомарше — учитесь:

№ 9 — *J'espére bien, que tu vas mieux soigner le Roi que les pauvres?*

— *Non, Sire, impossible...*

№ 9 — *Et pourquoi?*

— *Parce que je soigne les pauvres comme des rois...*

(Я надеюсь, что ты будешь меня лечить лучше, чем этих «гопников — бедных жилетов жёлтых». Не-возможно, сир... Но почему же? Потому что я лечу этих, как Вы сказали, как королей! — умер... но — «лечу»... Прав был мужик на этих предыдущих стра-ницах: от всех болезней не улетишь...)

А санитарно-товарный «катафалк-транспорт» уже мчался к Булонлесу, откуда исчезли все прости-тутки.

Затем Амбруаз лечил Анн де Монмаранси (из «света»), которая подарила ему, «высшему», — 12 наследников и наследниц. К большому сожалению (его и «свиты»), «этот родильный дом» быстро на-крылся. «Плодоносная» мать-акушер-герцогиня от-дала всё, что могла... Но Амбруаз был на кладбище... прощался, прощал. Серж, не советовал бы своим да-мам повторять бешеный эксперимент этой француз-ской «свиноматки»...

И тут появился Антуан де Бурбон, папа Генриха №4 (любимца французов), который сидел сразу на двух стульях (то — «като», то — «гюго») — не усидел, вскоре умер.

Последний знаменитый пациент Амбруаза был великий адмирал протестант Гаспар Колиньи — шеф «5-ой Колинии». Вежливый военный, которо-го боялась Мария Медичи. В ту, Варфоломеевскую, с белыми крестами на стенах особняков и квартир,

чех — Ян Янович зарезал «морской миф» (протестант-адмирала) и выбросил его тело из окна. Похоже, Москва быстро переняла его опыт: там, во все времена года резко отмечается «человеческий фактор-падеж», но почему-то с разных этажей, начиная с четвёртого и выше... в смысле Ми-8?

Теперь туда, к «Амбуазу Парé», под сиреной, везли Сержа ставить какую-то «пружину» в коронарную артерию... «Мелочь», но его сердцу — приятно...

Стоп!

— «Парé», — радостно сообщила «перегородка», и Серж понял, что ему всё-таки пока везёт, не как принцессе Диане, которую «не довезли» — «ушла» на пороге университетского госпиталя, где он 2 года в нейро-хирургии... электрической дрелью черепá сверлил «Pitié-Salpétriér»-а, а готовая «операционная» в этот день пять часов ждала. Хирурги типа Шиша, «стерильными» — на смерть стояли.

На въезде два «охранника» (по Вахлису?) подымали шлагбаум:

Ночь отрезала пол-лица
У охранника-подлеца.
Но он, сука, лежит — не спит!
Жизнь — прожил... а теперь — коптит...
А в окошке луны коса
Заплетается в волоса.
Да сияет созвездие «Пса» —
На рубахе у подлеца.

И эти — не спят. Кнопка заела? И целые, мордатые... А здесь других созвездий, как «Собчаков» — нерезанных... но «ца»... — всё-таки многовато, а так, может и правда, что где-то «Лунная» (соната), так

«служивые» (морды) по Бетховену ночью режет, кто его знает? В голову лезла всякая чушь, совсем не инфарктная:

- Скажите Сарочка, а вы любите сухое (вино)?
- Насыпайте, Изя, насыпайте...

А тут, эти, ребята, не насыпали... Два сопровождающих санитара лихо выкинули носилки из «скорой немощи» и они (носилки) сами встали на колёсные «ноги». В коридоре, приёмистого и «не», приёмного покоя, Серж увидел странную афишу: «Soyez aimable-voici la piste cyclable» — и фигурку, как бы хромого (художника?), которого подсаживают в седло, не на лошадь — на вело повело («Тулуз-Лотрек зовёт на трек»?). Странно... Может, ошиблись? «Vel d'Hiv»? (зимний парижский велотрек, куда французы, в 42-ом, сгоняли, перед Аушвицем, всех евреев). Приехали? Не похоже... Проскочили ещё пару коридоров и в парадный лифт на восемь персон — килограммов. На третьем Сержа — «выкинули», то есть — носилки, и тут, «ничего себе» медсестра (тоже в голубом: «Ах, эти дамы в голубом...» — Журбин?) подскочила. Уже приятно:

- Это вы?
- Это я...
- Это — вам?
- Это — мне...
- В — «четвёртую»...

В «четвёртой» два с половиной человека (половина в смысле — Серж), — сгрузили тело... Начиналась новая жизнь с известным «Амбруазом» и почти неизвестным, (не посвящённым), «стент»-ом — ассистентом.

Тут вошла другая мадемуазель и тоже «ничего другим»:

— Привет, я — Стелла.
— Звезда или памятник?
— Обелиск.
— Сегодня что-нибудь «стряслось»?
— Не похоже. Мы только вдвоем: я и интерн-
Stanton (мама, не говори стантоном?)... и Стелла ста-
ла цепляться за провода и электроды (но, конечно
же, не за Сержа), повторяя реанимационную «сим-
фонию №2» клиники «Моцарта».

Утром в воскресение — начало «трясти». Снача-
ла появилось новое личико и коленки.

— Меня... — Эдмона.
О, Господи, опять «литературное»... Ну, конечно
же, Ростан — «Сирано де Бержерак» и не гоголев-
ский «Нос» — гасконский:

— Вы — новый?
— Я — старый.
— На «стент»?
— В этом роде...
— Завтрак отменяется — хирвмешательство...
— Хорошо, что не «е».
— Стантон — уже?
— Нет, ещё...
— Сейчас явится...

В ней, что-то было трогательное... Лицо — нача-
ло века? Того... Другого... Улыбка? Ну, прямо из это-
го А.С.П.:

Она тогда ко мне придёт,
когда весь мир уговорится...
Когда «всё прочее» ложится
И «всё не прочее» встаёт...

«Всё прочее» — «доброе» и «не доброе»... Олег (Целков) всегда, стоя на коленях перед своей новой картиной, ударение делал на последнее. Главное, чтобы «не доброе» встало вовремя... Вшёл молодой, хорошо причёсанный (Амбруазом?), Стантон:

— Чем болели? С кем? Осложнения? Аллерги(р)и? Прочие хирургические? Боли есть?

— Да, так тянет...

— Справа?

— Слева. «Стент» — сегодня?

— Будем думать.

Что же это они всё время думают?..

— Эдмона, кровь и ЭКГ, а всё остальное, как обычно...

У Ростана?

— и «причесанные» покинули место встречи, которое, как вы сами понимаете, уже не изменить.

— Будем работать, — сказала Эдмона (из этого «монда»), повторив любимое выражение одного издателя, которому все другие выражения — «по боку».

— Что значит?

— Бриться, колоться и только после этого возможно «ням-ням».

— То есть запястья и пах?

— Какие запястья... там нечего брить, они, как у новорожденного...

— А пах?

— Неприлично... там же этот...

Двухметровый катетер можно провести по четырём артериям: двум — в запястьях и двум — в паху. Пих-пах и в пах!

— А кто брить будет?

— Моя помощница.

А Целковы — молоды. Годы идут, а им всё по барабану. Олег, в белой майке, которая всеми цветами радуги от пятен очередной картины (2 метра на 3) кричит Тоне, которая в коридоре:

— Давай Александра Сергеевича!

И та хорошо поставленным красивым голосом с ходу (зря что ли в «Современнике» современницей современила):

— И не Пушкин, но всё равно — наше:

Ужель не вспомнить без улыбки,
Те дни блаженства моего...
Когда все члены были гибки
За исключеньем — одного...

Олег только этого и ждал. Шлётнув грубый мазок на огромное полотно, из которого кровавый женский зад вываливался из подрамника, подхватил:

Увы, те годы пролетели,
И вот уже давным-давно...

И тут же подключилась Антонина, и они рванули последние две строчки хором:

Все члены одеревенели,
За исключеньем — одного...

Серж помнил, что тогда он подкинул этому «коммунальному» дуэту свой жалкий подголосок:

Я встал с дивана в полшестого...
В двенадцать «отошла» жена...
Часы затрахают любого,
Когда в квартире — тишина.

И Олег опять мазнул красным, лишил «невинности» огромный (как было сказано), выпадающий из подрамника женский зад. Вот одну из этих зон, «областей» и предстояло побрить, «препахать» этой неизвестной помощнице. Шашки — наголо... а помощницы?

Помощница? Она вошла минут через тридцать после этого воспоминания, толкая перед собой тележку (в госпиталях всё — на колёсах), с бутылками, мылом, антисептиками, компрессами и жёлтым, видавшим «пахи», помазком-папаней, с пластмассовой пузатой ручкой, который ожидал своего часа. Дождался... Итак, она вошла, и тугая коса её коричневых волос свилась калачиком на её затылке. На её губах скользила какая-то доверчивая улыбка:

— Побреемся?

Диана Плаха, коснулась паха? Вот когда «безопасная» бритва мечтает стать «опасной»? Намылив, всю выше отмеченную область, «папаней», она склонилась над этим, чтобы лучше видеть и не повредить, и вдруг стала «мурлыкать» нечто знакомое — частушку, содержание которой недвусмысленно (да, господин Издатель), «работало» в этом контексте. Если бы Серж — не лежал, он бы запросто упал от удивления:

Мою Милку ранили
на краю Германии...
Вместо пули — «хер воткнули»,
в лазарет отправили...

Откуда? Как? Почему? Где?
— Как вас зовут?
Она покраснела до «змеи».

— Вы говорите по-русски?

— И не только.

— И всё понимаете?

— Да, уж так вышло...

— Вы уж извините за 3-тью (строку)... но это — народ...

— Какой народ? Хаймович — из Бердичева... А какая великолепная первая строчка... на краю Германии!.. Класс-ловелас.

— Ну, и как вас?

— Ольга, — она покраснела ещё больше, прямо до «калачика»

— Это я, чтобы расслабиться и «пациента» расслабить. Место всё же — «любное»...

— Я вас понимаю... а что вы делали «там», до... «окраины»?

— Не п(р)оверите...

— Попытаюсь.

— Ассистент-почасовик кафедры марксизма-ленинизма... в Педине Горького...

— Как? Ну, и ну... Плоды, действительно, горькие...

— Ну, что вы, бывает хуже...

— Ах, как я вас понимаю...

Закончив трудную работу прикладного «почасовика» (преподавателя), Ольга заметила:

— Дай Бог вам выбраться!

— И вам — тоже.

На этом и расстались... Место встречи изменить, всё-таки, можно было бы... И пошли часы ожидания операционного вмешательства и завтрака, которой оказался ужином, и если не повезёт, то вполне мог оказаться опять завтраком.

16.00. Эд-Юдифь явилась, неся не на подносе — на своих губах, не голову Олоферна, а долгожданную новость: «Хватит валяться без дела. Поехали».

— Куда?

— В подвал.

Молодой, почему-то один, «цветной» человек африканской наружности помог Сержу забраться на «транспортное» (средство), толкнул... и с Богом. Потянулись коридоры, один, другой, третий... Каталка катилась (туда — сюда) периодически ударяясь о стены и переходы.

— Воскресение... Суки, а я — один! — оправдывался молодой человек, кляня — «белых», «чёрных» и с — «молоком»... Периодически портативный телефон вонил, призывая его к ответу, но на них молодой и тоже человек, совершенно не обращал внимание. Сержу везло на лифты. Этот дикий «рабочий лифт» скрипел и дёргался, но тянул. У закрытых почему-то наглоухо дверей, «я — один» — остановился.

Приехали... «На свечку» — дуло изо всех углов. «Молодой» исчез:

— Я — сейчас...

Почему-то на всех этих поворотах и переходах они не встретили ни души. Через 20 минут вынужденного одиночества, этот «ударник» госпитального транспорта, явился и поделился ходом своих чёрных мыслей:

— Вот, сволочи, угнетают угнетатели (видимо — белые), «чёрный» класс.

Открылись «врата» заведения. Сержа ввезли в ещё более холодную залу-зону. Господа, это было нечто...

Огромный «противоинфарктный» холл типа: «Пьер Безухов — первый бал» или «Центральная

прозекторская» города на Неве. 120 квадратных и метров тоже. Или, такой же, в Англии, во время Второй, мировой... (кинохроника) хорошенёкие девочки, в лёгкой лётной униформе, «гребли» на огромных планшетах длинными указко-граблями, игрушечные самолётики, чтобы понять, как лучше сверху защитить «туманный Альбион». И в то время, когда Черчиль сказал про маршала Монтгомери (королевский глаз?), что тому всегда почему-то удаётся вырвать «поражение» из неразверстой, удивлённой пасти-«победы» (в смысле операции — «Оверлорд»?) и у которого (в его штаб-грузовике) висели два портрета: «шапочного» друга — Эйзенхауера и его заклятого «в фурражке-фураже», с нахальной тульей... — Роммеля».

Серые бетонные стены — «коробка» Десять пустых столов и над каждым по четыре «монитора», которых держали, спускающиеся с потолка, железные «штуки» — тяжи. На одном из столов мониторы горели синим пламенем (трубы горят?), ожидая очередную парижскую жертву сердечно-сосудистой системы. Белый человек в синем бумажном халате подскочил к Сержу:

— Доктор Гробман. Ну, что... будем «рессоры» ставить?

— А тормозные колодки?

В общем, как-то переместили «тело» на прозекторский стол имени «А.А.А» (смотри выше).

— Я вам «местную» (анестезию), в левую «радиальную»...

Зря брила Ольга это самое... зато с «папней» познакомились... Он профессионально стал щупать левое запястье... Чёрный борец за права «цветных» ис-

чез. И Гробман остался (один на один) гореть синим пламенем с новым пациентом в этом огромном пространстве.

- Контактная анестезия в точке укола...
- А вы откуда?
- Да, я оттуда, cher Гробман... Я тоже проходил по этому (делу)...
- Так вы коллега?
- В каком-то...
- Я вам «воткну» кое-что и по нему — катетер.
- Стилет. Я в — курсе...
- Не сомневаюсь.

Через десять минут, когда прилокайн сделал своё дело, он ловко «поймал» упирающуюся артерию и вогнал в неё стилет — пластик, через который можно было двухметровым (катетором) дойти до сердечных «желудочков» — Сержиного насоса. Стилет имел клапан, который не позволяет артериальному давлению — то есть «не голубой» (крови) под давлением вырваться наружу. На голубых экранах «подвески» он увидел свой насос-сердце, которое сокращалось в нормальном ритме. Как у Асара Эппеля (Король!) и Сержиного приятеля Саши Журбина в мюзикле: «Биндюжник и»...

Летела пуля,
И чьё-то сердце повстречала,
Спросила пуля:
«Отчего ты так стучишь?»
А сердце пуле
Так ответило в июле:
«А стучу я, пуля,
Оттого, что ты летишь!»

Пластиковая «змея» зонда, «французская пуля» иудейского доктора Гробмана, подбиралась

к «еврейско-украинским желудочкам» и болтась синим в ритме сокращений вместе с его голубой (на экране) кровью. Найдя на экране вход в коронарную (артерию), Гробман ввёл капризно извивающийся зонд в нужное место «встречи»:

— Сужение видите?
— Не надо преувеличивать....

Он указал на экран, где «коронарная» действительно похоже сужалась. Щелчок и пластмассово-массовая пружинка — «рессор» — встала, как ему хотелось.

— Всё «ок» — сказал манипулятор, срывая бежевые, силиконовые перчатки №9. Вопреки негативными коннотациям, заложенным родителями в фамилию сына — результат был обнадёживающий. Королевский брадобрей — хирург Парé был бы доволен своей «парикмахерской», но Серж — сомневался: «Подождём...»

Как-то снова «перелезли» на каталку и стали ждать чёрного «борца» за права «цветного» населения Франции. Через 30 минут ожидания, когда уже все надежды найти «четвёртую» (палату) были потеряны, «борец» вернулся и сказал:

— Поехали.

И снова: коридоры, коридоры, коррида со стенами... доехали. Пока ехали, Серж анекдот вспомнил... Чапаевская (дивизия) вступает в Париж. Василий Иваныч... принимает жратву-парад. Толстая негритянка выносит каравай хлеба с солью. Василий Иваныч отломил ломоть, обмакнул в соль и с удовольствием стал жевать. Проглотил, вытер усы и сказал, подмигнув, даме:

— А, что женщина, «белые» в городе есть?

31.03.09

→ BERLIN-SCHONEBERG
F

Грибы? В этом — ещё были. Осталось нескользко... На душе стало теплее.

Эд-Юдифф воскликнула:

— Ой! Живы, а ваш ужин того... остыл. Хотите, разогрею?

— Эд, детка, может быть чайку...

У «лонобреев-почасовиков» больше делать было нечего, пора было возвращаться к — «музы Кантам». И вдруг Серж вспомнил почему-то Бенвенуто Челлини, всего одну строчку: «Так уехал к себе на беду этот скотина...»

К чему бы это?

Из «Нового завета», святого bla(o)говествования от Матфея — (гл.11, с.3), Серж помнил только одну фразу: «Сказать Ему: Ты ли Тот, который должен прийти или нам ожидать другого»?.. В реа «Моцарта» уже ожидали «другого» и его палата была занята. Сегодня опять «попалась» Веро:

— Док? Уже?

— Не ждали?..

— Через два дня только...

— Вас хотел увидеть.

— Лове-лаз! В — «седьмую» его...

Туда же тут же заскочил доктор Simon — главный «подбородок»:

— Ça va?

— Ça va.

— Скоро, скоро... — в обычную, хирургическую...

Встанете на ноги...

— С «ползунком»?..

— Да, хоть ползком.

— Уже... Без вас бы я — «протянул»...

- Всё впереди...
  - Вместе?
  - Не дождёtesь.
  - Ну и слава Богу.
  - А «транзит»? — пошутил Серж.
  - Ну, и «транзит» тоже... — переведём.
- И тут же смылся. Через десять минут прорисовался добрый Шиш.
- Ну, как?
  - Да, так.
  - Поставили?
  - Да ещё как.
  - Лучше?
  - Трудно сказать...
  - Через день забегу — поболтаем...
  - О чём? О дамах?
  - И о них тоже... А «транзит»?..
  - Готовимся...
  - К чему?
  - К нему...
  - Скоро увидимся, — и Шиш удалился.

Ничего хорошего это не предвещало. О чём? Все, что надо было вырезано и всё что не надо тоже. Всё, что надо, зашито, а о «подшитом», вообще не шла речь. «Транзит» — это так поддержать разговор, хотя... Биопсия... гистология... ну, конечно же — удалённый анализ удалённых клеток и органов... Результаты... Как говорили в пятидесятых, в подворотнях... дело пахнет керосином... Почему керосином? Серж не хотел формулировать... И так было ясно... Хреново... А анализы, это, как обожжённый пулей мозг Маяковского, который завезли в спецНИИ, чтобы изучить, попробовать найти партийный «ответ»-ключ на уникальные умственные спо-

собности этого двухметрового поэта. Георгий Шенгели тут же сам провёл анализ — «четырьмя» (строчками), нашёл:

И мозга много
и лоб велик...
а всё ж убого
писал старик...

или Асара Эппеля, надёжное средство от хандры, многочисленных проходящих и «не» — депрессий, лучшее, чем ларгактиль. Господа, когда хреново, читайте Эппеля, даже если это — «не», всё равно — «ли» куйте!

Вот хотя бы этот анализ ситуации:

Что было? Ничего Исаия...
Ревека разве, что — босая.
Ещё окраина косая —
С соседом выйди, потолкуй.
Умрут другие, воскресая,
Однако ты ликуй, Исаия...
Чего же ты? Ликуй Исаия!¹
Мне время плакать...
Ты — ликуй!

Господи, ничего... но какая мощь и жалкая немощь. А ведь ничего, кроме этого «босоногого» (баса нового, басановаго, бесноватого) несчастья... Обалдеть! «С соседом выйди потолкуй...» А уж про плакать...

---

¹ «Ликуд», Исаия? — В.З.

А его «Лимерики», не — лицемерики, из Америки (?):

Утверждают, что Верди Джузеппе,
С Адой Патти встречался на репе-
тиции: «Ада! —
говорил ей. — Так надо!
Но прошу вас ни слова о репе!»

День съёжился и уходил куда-то, к чертям со-
бачьим, к многоэтажной Америке, а здесь у «Мо-
царта» «ликовал» не Серж — вечер, в предчувст-
вие хреновой ночи. Внезапно вспомнился дом...
улица Святого Мора, №36... где Целков — Климт...
(как это: «Обидеть художника каждый может...»
Но вы же не художник... Ну, вот и вы туда же...),
уют: книжки, его «эспадрон» — «Дамоклов меч»,
болтающийся вот уже 25 лет на белой нитке в цен-
тре комнаты, вместо люстры, пара пистолетов: один
«Парабеллум» (хочешь мира...) — 1917-го... №1400,
который ему подарил приятель-ре(а)нтгенолог (ал-
коголик-рантье), любивший играть в Джеймса
Бонда (покрасил личное, стрелковое, в жёлтый...
золотой. Как подумаешь Шён Конри — лучший из
Бондов, сейчас в — 82-а, как Яков, безуспешно бо-
рется с австрийским евреем Альцгеймером) и вто-
рой №2359, без нарезки — застрелиться? (подар-
рок боксёра-издателя-Поэта из Бремена, после
выхода у него «Лысой певицы»), копия «лепа-
жей» 1809-го, из оригинала которого «шлённу-
ли», уложили на «Чёрной Мойке» «Наше всё»,
с оружейного завода в Сент-Этьене, с бронзовым
гербом и буквой «N» на рукоятке и с диаметром
ствола — 1, 5 (см.), правда, без шомпола и без чёрно-
го чемоданчика Данзаса с красным вельветом.

Все ищут личное, которое дымится...

Вот и Владимир Ильич Порудоминский блестяще чиркнул, как он безнадёжно ищет... «Где мой чёрный пистолет?», в (и на) «Крещатике». А тут... 0.30 — времени, которого — нет... и которое — есть.

— Я вам не помешаю?

— Ну, что вы, Вero...

— У меня — минут пять...

— Устали? Присаживайтесь, — Серж отодвинул левую (ногу)... хотя — «да, прилягте» было бы более... точным, притя(ла)гательным, «прилягательным», по-домашнему.

— Да, так...

Желтая выкрашенная чем-то прядь волос, вылезла на лоб из-под зелёной шапочки. Она, не прядь — Вero, к Сержиному сожалению, скрестила ноги.

— У вас есть муж?

— «Это»... имеется.

— А дети?

— Конечно. Девочка — Саша. Но вы знаете, когда об этом распрашивают, то это в каком-то — конец света...

— О, как я вас понимаю...

— А, что «имеется» (муж)... делает?

— Сценарист. «Развод по-итальянски»...

— А вы его?

— В банальном — «да»... — но...

— У вас есть — «но»?

— Даже — три. Я не знаю, как это получилось.

Но почему-то я одновременно живу с тремя...

— Бог троицу... По расписанию? Как же вам это удаётся?

— Верчусь как-то...

- На чём?
- На вертеле, на чём же ещё...
- А почему, всё-таки, втроём? Вы такая не... (насытная)?..

— Разное время... Разные страсти... Откуда я знаю? Гормональная жажда... Один — на гобое, другой — по «clave», третий не лишний... со «стето».

- Скопом?
- Нет, по одному... Вы знаете от этого... «низа» — голова кругом, но ведь от себя не уйти, а мне — «секс»-вивисекс, как воздух...

— И мне тоже, — поддержал, поддакнул Серж. — А муж того... знает?

— Трудно сказать... но я — такая, какая есть... Знает — не знает... Ух, что-то я с вами совсем того... разболталась — и Вero, покраснев, исчезла.

Только после 12-ти ночи всегда открываются живые «души».

Привет, Мессалина... спасибо за ночной «гобой»... На столики стоял забытый холодный «рыбец» с картошкой в тарелке с золотым ободком, который приготовил сегодня Парижский трест: «Плюс-калорий» (минус?) — 3000-чи порций «хаддока» — ходока для детсадов, тюрем, школ, медицинских клиник, госпиталей, казарм и пожарников.

Через 3 дня, после 8-ми вечера, весёлый хирург Шиш ввалился «поболтать». Уселся на единственный стул и ласково улыбнулся:

- Театр любите? Кино?
- Хорошее начало...
- «Фанфана-Тюльпана», ну, которого Жерар-Фидип?..
- «Д»! — а вы хорошо пошутили... Его ещё в костюме Дон Родри«Г»о из «Сида» в Рамантуэле —

«опустили»... А, Корнель — «Сид»... Испания... Рыцарский долг и любовь — в 17-ом (веке)... — «любовь в долг» (и голуби) — в 21-ом... А за этими «голландскими» (цветами, без дырок) — я пять часов (в 57-ом, в очереди в кино «Победа», на Лиговке) простоял...

- Знаете от чего он «ушёл»?..
  - Рак печени.
  - Да, в — 37-мь...
  - А что, у нас похоже?
  - Желудок.
  - А маркёры: Ace, Ca-125 и Ca-19-9?
  - Не будем о грустном... Folfox... Folfox...
  - Кокетливый, сексуальный титр — лиса...
  - Смотря, какая доза...
  - У нас комиссия раз в месяц собирается...
  - Что за комиссия, создатель — «парикмахер», «тройка»?
  - Да, нет, человек пятнадцать. Я ваше досье представляю... Думаю, что вами займётся де Грамон...
  - Персонаж Бальзака?..
  - Дюма...
  - Ну, я помчался... У меня сегодня два нелёгких — «лёгких».
  - Спасибо, за «театральные штучки» (перчатки), док... что не сразу так — в лоб...
  - Ну, что вы... До скорого...
- Ты ж понимаешь... и Понтий-Шиш ушёл руки мыть...
- Ну, вот и приехали... Выручай, Эппель-нипель:

Разгребли на заводе Бадаева
Неизвестный фрагмент Чаадаева,
Что ни слово, то «ять»,
Ни хрена не понять,
И девять неизвестно куда его?

Нарком по жратве, Бадаев (фабрика?), на Растстанной-Лиговке, когда-то, «разгрёб» склады купца первой гильдии Раsterяева, спился, идиот, прямо на складе — большевик хренов, теперь Сержу разгребать — загребать... Не слишком ли много всего навалилось? Ни Шиша не понять... И «Folfox» вильнул хвостом лисьим. Дружелюбно ли? Да и как пойдёт эта химия-отеропия, без хирургических перчаток?

Раковый, (корпус) принимай нового постояльца — «не жильца»(?).

Новая реальность? Может, старая уже не реальная, уже не действительна?

Ну, и хрен с ними (с реальностями), как будет... так — будет.

Сегодня — Инга... Тоже — бёдра, тоже — лицо, тоже иногда голый коленкор — коленки. Кажется, она переняла у Веро лёгкость и любопытство, во всяком случае, на сегодня. Серж был уже в этой — №«7»-ой своим, как эта бесцветная мебель, как этот усталый, потухший напротив, «ящик», как эти часы, стрелки которых всегда стоят на «пол-шестого», не на «пол-девятого», то есть не на «8 с $\frac{1}{2}$ », руки ни у кого не доходят сменить — вставить — 6-ть вольт (батарейку).

— Док, хотите посмеяться?

— А кто не хочет!..

— У блондинки спрашивают: «Вам нравится Бернард Шоу?» Не знаю. А по какому каналу «оно» идёт?

— А почему блондинку? Шатенок «оно» тоже — цепляет. А так классно, Инга, — «поддержал» разговор Серж.

— Скоро вас... отсюда...

— Попрут?
— Ну, и глагол... Вам надо больше двигаться.
Я вам — «ползунок»...

«Ползунок — ходунок» лёгкая алюминиевая рама, за которую можно держаться и, которую можно легко переставлять, удаляясь в «места отдалённые» и не очень. За эти три недели Серж 15 кг — сбросил, ноги — глиняные... Может это «железо» действительно пригодится.

— Инга, хотите и я вам кое-что...
— С удовольствием!.. — у неё почему-то загорелись глазки.
— Надпись на стене ломбарда (*monts-de-piété*...):
Здесь будет город заложён!..

Она фыркнула, в общем, уловив смысл фразы, но в деталях было не разобраться: почему кому-то понадобилось «закладывать» весь город? Хотя, «Граждане города Кале»...

— А за — «ползунок»... Вот бы с вами вместе где-нибудь поползать.

— Поживем, увидим... — и она умчалась «котиться», «покалывать» и «подкальывать»...

Какой успех — это уже второй раз (за 3 недели) когда молодые женщины подают надежду, идут (на словах) — «в разнос»!

Да, а почему всё-таки Шиш говорил о «де Грамоне»? У Сержа в личном списке «мандалино-цитрусовых»: первый — Ги Вурш, второй — Ион Деген, третий (возможно) — де Грамон — поживёт (если повезёт)... — увидит. И тут в голову «полезло», то, что Серж всю свою вторую половину жизни «отодвигал», «избегал» — Питер, ну, где эта «первая любовь — Ася», «Литейный... №4» и на всех «башнях» — «отрава бесплод(т)ных хотений...» Иннокентия (Анненского-Ванненского) и других.

Нет, тут уж без Осипа Эмильевича никак... «В Петербурге мы сойдёмся снова...». Ты ж понимаешь... А без Асара Эппеля как, его В.О. (Васильевского острова) умирать, просто руки опускаются?

Не обманывайте нас, поэты,
В Петербурге вновь вам не сойтись,
Ваши песни, если спеты — спеты,
И строкою должно обойтись.

Одному сыскалась смерть в нагане,
Тот на свалке птичью кость сосёт,
Этот молодое в Мичигане
Племя незнакомое пасёт.

Та была опалью царицей,
Не отпетою на Поварской,
Воздавалось ей за всё сторицей,
И Никола откадил Морской.

Этот — в виде сборника — но вышел
Тих и безупречен, как сонет,
Этот из ума на Пасху выжил,
Те ушли в обед. Их дома нет...

Что поэт — то инвентарный номер.
Что не номер — то программы гвоздь.
Умер, вымер, замер или помер,
Или жив. Но в Питере — не гость.

Так зачем обманывать, поэты?
Ожидает в гости Петербург.
Только сердца горького заметы,
И всегдашний — в рифму — ветер пург.

Но именно этого ветра — «пург»-а, как и прочих других, не побоялся француз, доктор Ги Вурш... Он уже три (!) раза был — почётным гостем в Питере.

А какая судьба у него была до этих деловых ветровизитов. Первый анестезиолог Франции сбежал в 40-ом из французского концлагеря на рыбакской посудине: «Догони», в Англию. Догнал и сразу — в английскую морскую пехоту защищать сначала, не павшую «падчерицу» — «туманный Альбион», и только потом свою так низко павшую родину. 6-го июня 44-го, самоходная баржа — №«333» уткнулась ржавым носом в песок Нормандии, спецназ «Кифер» — 177 человек «живой силы» и немного «мёртвой» техники, высадился в районе: «Pegasus bridge». Вежливые англичане пропустили вперёд — «333»-ю. Если не их, то кого же будет обнимать эта продажная Родина. Какая ни есть, а всё-таки матёрь. В первый же день «пегаса» немцы уложили десятерых, с их стороны — неизвестно, статистики не было, были только — убитые статисты. По тем ежедневным маркам — меркам, так — мелочи. Пороховая пыль-пудра, в исторические глаза. В кровавой «Омахе-бич», в тот же день, 2000-чи — только американцев, так и не высохли, остались навсегда мокрыми лежать на пляже. Ну и что же делала бич-авиация?

Затем «киферный» спецназ был брошен в Голландию, где «кипели» бои, немцы перешли в контрнаступление. Из 177-ми человек «нетронутыми» остались — только 22. После всего этого Вурш — десантник (как и Деген — танкист), ринулся в медицину, забросив в стол все эти заслуженные «брелоки-медоки», кроме Легиона Почётного... Шарль де Голль признавал только то, на чём сидел... «Киферский» спецназ — его ребята принадлежали к английской группе войск, а де Голль признавал только своих — «France libre», а если ты и положил свой «живот» за неё, но в составе другой ар(а?)мейской группы, то это твоё личное де-

ло — на тебя как «освободителя отечества» — «тоже положили», ты не существуешь. Получай свой «Cross» англичанский плюс кроссом французским по голове. Какой кефир! Весь спецназ «Кифера» был награждён «Почётным» через — 60(!) лет после моста «Пегаса». Из 22 -ух, ох, никого... В общем, «капитан корвета» Ги Вурш «сыграл — м(п)едалями в ящик стола — и к арабу — Авиценне, не в авиацию и не к «хирургам-парикмахерам». Через десять лет — он будет первым анестезиологом «королевства» — «5»-ой республики...

Первое явление Вурша Сержу — октябрь 19-го — 59-го. Серж начал свою карьеру санитара в «ГИДУВ»-е — в «пург»-поддуве-продуве. В Институте усовершенствования врачей, около музея Суворова, где на наружных стенах, на мокрых фресках военный люд, в лёд, съезжает на своих задницах не в тёплые итальянские долины, а в холодный — «Таврический» сад. (От Сада — до детсада... или точнее: «Из детсада до — «Моссада»...). Именно там он совершенствовал манеру подачи «суден» в «ссудные» и прочие дни. Тут и приехал француз — первый анестезиолог и всем пожал «лапы», даже Сержу... После русских «уток»... это французское рукопожатие было приятно. Но забылось, но как духи: «J'adore» — «Обожаю» — сейчас всплыло...

Второе явление анестезиологического «Христа — народу» — (Вурш — первый, в смысле Сержа — второго), свершилось лет через пять. Он хорошо помнил, тот день, потому что «положил» на «Вторую» хирургию своего рыжего приятеля. Вурш, в этот раз руки не пожал, но зато удивил всех в операционной «Областной клинической» (около «Крестов») закрыл пациенту глаза медскотчем, и провёл

анестезию (в прямом) с «закрытыми глазами», вслепую. Это удивило всех присутствующих, ибо уровень наркоза в то время во граде Петра и прилежащих к нему территорий — от Балтики до Тихого, определялся по «игре зрачков», и врачи «от Морфея до морфина» то и дело туда заглядывали, чтобы дозу наркоза под эфиром не пере(дозировать...) Серж всё это забыл, но медицинский «скотч», как и смутное удивление блистательным «иностранным вмешательством» осталось...

Десять лет спустя. Акт — третий... совсем неожиданный... всё смешалось в кучу... «самиздат», обыск, КГБ, отъезд, Вена, Париж, «Высокая церковь» — Альткирш (15 км. от Мелуза — Эльзас и, простите, Лотарингия). Маленький госпиталь на 200 коек — лежачих мест, «парикмахер — хирург» Герст, врач — капитан колониальных войск (умер со скальпелем, на посту — во время операции «холецистита» — пациент выжил, дождались, пока приедет, под сиреной-другой, без скальпеля, из Страсбурга). Шефтерапевт Пьер Клотц, бывший подпольщик, с его женой Габи (тоже подпольщицей), врач от Бога, сын отца, тоже врача из этой «Альт» и «кирш», который на руках своего сына — «отошёл». Диалог между сыном-подпольщиком и его отцом в ту ночь, по Шекспиру — обалдеть:

— Пап, я не могу найти вену, все мелкие лопаются, отёки...

— Пьер, если не найдёшь... — «карут» (в «Альткирше», с детства, все говорят по-немецки).

— Сделай, что можешь... но «Lasilix» (влазиликс?) должен быть в вене...

— О, Господи!..

Одиночество, мама, Виктор Платонович ночью, осушающий все колбы медицинского спирта, на трёх

LFT PA
→

BERLIN SCHONEFELD
024

Rüssel-Maur

ПРОТОКОЛ
записки следателя

Следатель: _____
Директор: _____
Записавший: _____

Следователь: _____
в соответствии со ст. 189 и 190 (13) УПК РФ допрашивал по уголовному
делу № _____

в присутствии: _____

1. Фамилия, имя, отчество: _____
2. Дата рождения: _____
3. Место рождения: _____
4. Место жительства и (или) регистрации: _____

Обращение документа можно получить бесплатно по почте...

наим. Ноллегия
новного Суда
ССР

СПРАВКА

дело № 196 5
нч. 08552/55
ССР 23 июля 1955 года.
Прокурор Восточного
района г. Берлина С.Н.
в отношении Кузнецова С.Н.
сторожевым отмечено в акте
преступления прекращено.

ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ВОЕННОГО
СУДА ССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

этажах у медсестёр, мохнатый, огромный пёс с русским «выменем» «Юрий»(?), письмо в университетский госпиталь Парижа с предложением нового типа вентиляции лёгких в критических состояниях... Ответ из Сюрена, из госпиталя «Фош»: «Приезжайте в июне. Вперёд... (?) Ги Вурш». Почему «вперёд», когда «ни шагу назад»?..

И был — июнь. И был — «вперёд»! И был — Ги Вурш — академик с баржи №333», герой — Второй... Первый — анестезист Франции, который, закурив огромную сигару «Монтекристо» №16, входил в операционные, как на «Pegase bridge». А как же? Там же газы? Кислород?.. Стерильность... Вурш знал, что делал... клубы дыма подымались к потолку, как над Рейхстагом...

— Дым отечества... как говорят на Востоке — шутил он, и, странно, что ничего не взрывалось, всё работало как надо и все присутствующие принимали этот «дым №16», как и другие номера, как должное. Странно, почему он так опекал Сержа?

— Сейчас, в лабо... Они кое-что там открыли...

Двери? Окна? Зачем? Почему? Кто обязал академика? Ему что, делать больше нечего, чем таскать за собой этого молодого «идиота»?

Пройдя, через стеклянные двери лаборатории, он обратился к симпатичной dame лет сорока, в глазах которой во всю колотилась жизнь:

— Бетти, это мой друг из «Санкта»... Прошу любить...

С «жалованием» было сложно, просто — никак, но «мой друг» (мой Бог, за что? Почему?) — просто растопил самолюбие, да и «любить»... любить, конечно, но не так, как хотелось бы Сержу, но всё-таки... Это было, как в 2016-ом, в Израиле (9-го мая), в Натании, когда Ион Деген перед диплома-

тическим корпусом (все — в медалях, орденах-микрофонах) вдруг начал свою речь. Серж тогда съёжился на своём стуле (в первом ряду поставили-посадили), догадался:

— У меня сегодня счастливый день. Ко мне приехал из Парижа мой друг, Серж...

Господи пронеси... Ион — был весь в этом, как в танке «Т-34-85», как со своей «свинцовой дубиной» — тростью (25 кг.) — напролом...

Может, отсюда и родилось новое название будущего романа: «Любовь к двум мандаринам, в ожидании третьего».

А тогда Вурш исчез... и его коллега — доктор Бетти приняла эстафету:

— Вы к нам надолго?

— На три недели...

— Милости просим, если вам будет... скучно, заходите...

— Точно будет, мадам Бетти (тогда мелькнуло: «Потому, что вы на свете...», но сдержался, конечно... Рифма подкатила?)

И было — нечто...

Суббота была душной, предвкушавшая воскресение. Серж случайно встретил Вурша в коридоре.

— Чем заняты?

— «Медицирую»... в смысле: «Отёка мозга»...

— Оставьте, отёк... Поедете со мной на дачу?..

Вопрос исключал отрицательный ответ.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Я готов.

Сели в какой-то шикарный «Ситроен», который перед тем как тронуться, поднял свой лакированный зад. И — «вперёд». На Запад, за Булонский (лес). Через 20 минут выгрузились в каком-

то хвойном парке... Не дом — особняк для особистов. Ковры, книги, хрусталь, картины... Приветливая мадам Вурш... Обед — на «троих». Валет — «цветной» человек в ослепительно белых «неперепутанных» перчатках, что-то носил-подносил, туда-сюда. Супруги о чём-то говорили, а Серж только кивал-поддакивал. Своего французского стыдился не только он, но, особенно, за него краснел сам — французский. Что-то ели, пили: утку, курицу, индюка-«*le duc*»-а, ортоланов, кофе, фрукты... Вино — я вас умоляю... такое не забывается. Вурш вынул № «16» (ну, конечно же, «Монтеクリсто», пустил кольцо в небо, ах, да в — тент (Серж забыл, что всё это происходило, на террасе, над которой было натянуто это самое, по которому шли жёлтые широкие полосы)).

— Вам хорошо у нас?
— Как никогда.
— В 15.00 — за грибами!..
— За чем? Но я в этом совсем ничего... Тридцать шесть лет только — город... И вообще я — не грибман, скорее — «о»...
— Ничего, поймёте, я всё разъясню! — посыпалась французские слова, то есть специфическая терминология, о которой Серж не имел ни малейшего понятия кроме мухоморов — ни въезжал. А на русском, что-то всплывало: «лисички», «опята» (близкий меданест-дигест термин — опияты, Мария Медичи — отравленные и «п» — перчатки), сморщеные, как жизнь — «сморчки». Всё... кофе... и Вурш вдруг вскочил:

— Помчались!.. — от неожиданности вспорхнули две зелёные стрекозы с яблока.
— Куда?
— В лес, конечно...
— ?

Через 15 минут... солнечный лес, разбитый на такие же квадраты. Чисто. Светло, почти уютно. «Цветаево»... Дрожащая листва, «литая» паутина с вычерченной «архитектором» решёткой-сеткой... Брр... — пауки. Только не поддаваться воспоминаниям... Серж прошёл вперёд и вдруг услышал радостный крик, почти на итальянском:

— Sergi-o! Sergi-o! Les chanterelles!..

Господи, что же это значит? Не забыть бы слово...

Вурш палкой под какой-то белой плачущей берёзой-осиной раскопал какой-то рой — рай каких-то грибов...

— Ну, и ну!..

Вернувшись в Сюрен после этой удивительной поездки, Серж кинулся к словарю. Не забыл — «les chanterelles» переводились, как — «лисички», а он-то думал, что «сморчки», уж сильно вся эта «губка» сморщенной была. Так и остался «в ушах» (на долгие годы) этот крик... «Sergi-o», на итальянский лад.

Сегодня весёлый день. Прощай «реамахинация», но ещё не «Моцарт». Вошла без шприцев Веро:

— Мне вас будет не хватать...

— За что?

— За всё...

— В 10-ть к хирургам...

— Мне вас тоже будет не...

Серж позвонил жене:

— Пожалуйста, купи две бутылки водки в «Гастрономе»: «Петров-Водкин», и две — «Общаги» и у бельгийцев: 4-ре — «Внезапной смерти» и столько же — «Транзита». Жаль только, что они не смогут прочесть этикетки (водки), а только посчитать — «градусы», но хоть пиво, по их прямой специальности. Пусть «гуляют».

— Хорошо, дорогой, к 11-ти...

— Идёт.

В это день в «реа» было весело, как в «Весёлой вдове», у Легара. «Гуляли» всем отделением, кроме 7-ми (пациентов). «Подбородок» тоже был — «ок»:

— Док, я очень рад, что вы почти... на своих (двоих)...

— Ещё не вечер... но вам, огромное...

— Ну, что вы... — и он чокнулся «Транзитом».

Тажеж пришёл уже в «банальный» закуток Шиша (палату хирургии). Теперь уж неважно...

— Я — ужасно...

— Я — тоже...

— Через неделю — домой...

— Ты ж понимаешь...

— Дай, Бог...

— Потом, к де Грамону?

— Да, к — Дюма...

— Как ты говоришь, «хими-отеропия», где?

— Во франко-английском (госпитале), в Levallois-Perret, на rue Voltaire.

— Ах, да... напротив «МВД», где военных (до восьми утра) «Аллах Акбар» «Ситроёнами» давит...

— Именно там...

Через 10 дней Серж был дома. А потом пошло всё по ускоряющей... У «де Грамона» амбулаторное лечение было поставлено, как надо — на «поток» — «Flux tendu! Сначала консультация «Самого» или его более «мелких» аколитов-(интернов), потом — такая же хирургия — установка катетера в крупную (подключичную) вену — мембрана этого пластика находится прямо под кожей, местная анестезия без укола для укола за 2 часа до сеанса, потом в индивидуальных креслах располагается пациент с его ка-

пельницеей «folfox»-а или другой спасительной «мерзостью», которая убивает «это самое», а иногда и их «носителя»-пациента. Конец №4?

В общем, господа, располагайтесь... начинаем жить по капле-капельнице. «С соседом выйди потолкуй»... Серж сидел в «самолётном» кресле. Отсюда, похоже, не улетишь. Электрический шприц уже всё, что можно из себя — выдавил. Загорелся красный «аларм» и завопил. Медсестра Эльза выключила к чертям собачьим эту надоедливую машинку:

— Сеанс окончен, — сказала она бодро.
— «Холодная война»? «Падение Берлина»? Две серии?.. — пошутил Серж.

Эльза, не задумываясь, подключилась к репликой, что под рукой было, лежало близко:

— «Certains l'aiment chaud».
— «В джазе только девушки»?
— Не только...

Даже тут обман, переводчики хреновы... «Some like it hot» — «Хочу горяченького»... — перевёл сходу Серж. Он был уверен, что Михаил Леонидович (Лозинский) тоже бы оценил...

Владимир ЗАГРЕБА
ДО ЗАВТРА, ДАНТ
Путевые записки

Директор издательства *Т. Ретивов*
Оригинал-макет *Б. Марковский*

ИД№ 5016 от 24.11.2015 г.
Издательство «ФОП Тетяна Ретівов»
01001, г. Киев,
ул. Малая Житомирская 8, оф. 3
Тел. (+38) 096-53-85-115

Отдел продаж
Kayala@ukr.net

Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 9, 2. Подписано в печать 17.02.2019
Печать офсетная. Заказ № 174

«Писатель Владимир Вагреба к тому же замечательный доктор, но не только. Он, я бы сказал, патологоанатом человеческой души. Своим пером он проникает в такие глубины человеческого духа, куда никогда не проникнет ланцет хирурга». (Алексей Лвостенко) «Книга Вагребы целиком острастная. Её читать хочется, и она дочитывается до конца, несмотря на массу непонятного с первого взгляда, требующего остановиться и расшифровывать. Энергия автора переливается в читателя, минуя "понимание" и дразня его любопытство. Вагреба ироничен, как Свифт, текуч, как Джойс, nostalгичен, как Пруст...» (Николай Боков)